

МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ ДВА

МАРИАНСКАЯ ВПАДИНА

Кристина Кан
Море волнуется два

«Автор»

2026

Кан К.

Море волнуется два / К. Кан — «Автор», 2026

После Бермудского треугольника, хора под полом, тихих комнат и людей, которых слишком удобно было называть частью системы, Кире очень хочется поверить, что дальше будет проще. Взрослые обещают именно это: второй курс — обычный исторический этап обучения, научно-исследовательский корпус «Мариана», диагностика дара, кураторы, безопасность, контроль. Всё официально. Всё продумано. Всё, конечно, ради студентов. Мариана построена в стене Марианской впадины — там, где чёрная вода давит на стекло, коридоры уходят вниз, а океан больше не снаружи. Он везде. Здесь студентов не запирают в тайных комнатах. Здесь их изучают открыто: измеряют дар, фиксируют страх, классифицируют реакции и называют это помощью. Но глубина отвечает.

Содержание

Глава 1. Второй курс	5
Глава 2. Мариана	32
Глава 3. Кураторы	48
Глава 4. Стабилизирующий фактор	62
Глава 5. Максимум	80
Глава 6. Стекло	97
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Кристина Кан

Море волнуется два

Глава 1. Второй курс

Мой первый курс закончился не расписанием и не торжественной линейкой, а тем, что после Бермудского корпуса нас распустили на каникулы раньше срока. Свой семнадцатый день рождения я встретила дома — среди семьи, школьных друзей и ощущения, что обычная жизнь вернулась только снаружи.

Поэтому, когда я спустилась в столовую и увидела на барной стойке коробку, сердце ухнуло так громко, будто второй курс уже успел постучать изнутри.

Коробка была белая, гладкая, с серебристой печатью школы. Совсем чужая среди маминих документов, вазы с яблоками и нашей слишком дорогой кухни, где тревогу обычно пытались замаскировать уютом.

В углу — аккуратная строка: «Второй курс. Глубинный исследовательский центр». Ниже — номер допуска. Ещё ниже — фамилия.

КАН

У школы был удивительный талант: она могла написать имя человека так, что оно начинало звучать как маркировка на лабораторном образце.

Я стояла босиком, в старой футболке, когда-то отжатой у отца, и смотрела на коробку как на насекомое в супе. Насекомое, конечно, стерильное, сертифицированное и одобренное Советом по образовательным стандартам. Но суп от этого приятнее не становился.

— Ты не будешь завтракать? — спросила мама.

Екатерина Кан сидела за столом с кружкой кофе и выглядела так, будто не спала примерно с момента рождения юридической системы. Волосы были убраны в низкий пучок, рядом лежали распечатки, планшет и ручка со следами зубов. Мама грызла ручки, когда нервничала. Теперь я умела читать это как отчёт.

— Я думала, завтрак ещё не подали в лабораторной упаковке, — ответила я.

— Но, видимо, ошиблась.

Отец, стоявший у окна с телефоном, даже не обернулся. Плохой знак. Юрий Кан обычно реагировал на мой сарказм как на комаров: не убивал, но раздражался. Сегодня он молчал, будто выбирал тон, который не сделает всё хуже.

— Это не лабораторная упаковка, — сказала мама. — Это форма допуска к транспортировке и комплект адаптационного оборудования.

— Прекрасно, — я покивала. — Я ошиблась. Это не насекомое в супе. Это насекомое с инструкцией по эксплуатации.

Мама закрыла глаза на секунду. Отец наконец повернулся.

Он выглядел строгим даже утром. Растрёпанные тёмные волосы чуть вились у висков, серые глаза были усталыми и тяжёлыми. Если бы я не знала его, решила бы, что он сейчас кого-нибудь уволит. Если бы знала хуже, решила бы, что кого-нибудь спасёт. На самом деле отец просто пытался выбрать тон, который не сделает всё хуже.

В этом доме в последние недели все пытались выбрать тон, который не сделает всё хуже. Получалось редко.

— Кира, — сказал он, — второй курс всегда начинается с Марианы.

Вот оно. Главное слово лета: «всегда». Взрослые приклеивали им ужас к нормальности. Если что-то делали достаточно долго, оно начинало звучать почти невиновно: традиция, регламент, исторически сложившаяся программа.

— Да, — я со всей ответственностью кивнула снова. — А тихие комнаты, видимо, были факультативом для особо одарённых традиций.

Тишина пришла сразу.

Не магическая. Обычная. Кухонная. С холодильником, который очень старался шуметь «элитно», с чайником, щёлкнувшим где-то в углу, с солнечным пятном на полу. Но в этой тишине всё равно что-то провалилось.

Мама медленно поставила кружку.

— На втором курсе нет тихих комнат.

— Отлично. А какие там комнаты есть?

— Учебные. Исследовательские. Адаптационные. Диагностические.

— Звучит как меню в ресторане, где каждое блюдо заканчивается вскрытием.

— Кира.

Отец сказал это негромко, но так, что воздух в кухне стал плотнее.

Я посмотрела на него. Хотела ответить сразу, привычно и, как обычно в последнее время, ядовито. Но увидела, как он сжимает телефон: костяшки побелели.

И промолчала.

До Бермудского корпуса родители что-то не договаривали, я принимала это как факт, мама приносила чай, отец делал вид, что не переживает, и жизнь шла своим ходом. Теперь любой разговор упирался не в «вы меня не понимаете», а в «вы знали про магию и молчали». С этим было неудобно жить. Этим было неудобно завтракать.

— Мариана не Бермудский корпус, — сказала мама. Она говорила тщательно, как в суде.

— Это научно-исследовательский центр. Второго курса там проходят все студенты. Исторически. Там нет изоляции, нет закрытых учеников, нет системы хорового удержания, нет...

— Нет ничего, что вы нашли в отчётах, — перебила я. — А чего вы не нашли?

Мама замолчала.

Отец отложил телефон на подоконник.

— Мы запросили все доступные материалы по программе второго курса, — сказал он.

— Все регламенты, все протоколы безопасности, все медицинские и магические заключения.

Екатерина проверила договоры. Я проверил линии допуска. Там не спрятано ничего похожего на то, что было в Бермудском корпусе. Даже намёка нет.

— Похожего, — повторила я.

— Да. Похожего.

— То есть если это будет другое, но такое же мерзкое, формально вы будете правы.

— Я не пытаюсь быть формально правым, — жёстко сказал отец.

Я вздрогнула. Не от страха. От того, что в его голосе наконец треснула осторожность.

Отец выдохнул, как будто сам испугался, что повысил тон.

— Я пытаюсь понять, как отправить тебя туда, где тебе обязаны помочь, и не сойти с ума от мысли, что я снова не смогу стоять рядом.

Вот это было нечестно.

С сарказмом можно было работать. На правила можно было нападать. Документы можно было ненавидеть. Но когда отец говорил так — не как Кан, не как человек с серыми глазами и привычкой держать спину прямо, а как папа, который боится, — у меня внутри всё становилось мягким и злым одновременно.

— Я не хочу, чтобы вы сходили с ума, — сказала я тише. — Я просто не хочу, чтобы вы называли безопасным всё, что написано красивым шрифтом.

— Мы не называем, — сказала мама. — Мы проверяем.

— И что?

Мама провела пальцами по краю коробки.

— По документам Мариана — самый контролируемый корпус школы, — сказала мама. — За каждым студентом закреплён научный куратор, процедуры проходят с записью, медицинским и магическим наблюдением, с правом отказа...

Я рассмеялась.

Не потому что было смешно.

— Простите. Право отказа. Моё любимое. Оно обычно лежит рядом с добровольным согласием, да?

Мама побледнела.

— Мам, — сказала я мягче. — Я понимаю, что ты проверила. Правда. Просто после прошлого раза слова «право», «отказ» и «наблюдение» звучат как упаковка для чего-то, что шевелится.

— Мне тоже сложно, — сказала она, глядя не на меня, а на коробку. — Я юрист, Кира. Я всю жизнь верила, что правильно написанный документ может защитить человека. А потом оказалось, что правильно написанный документ может так же хорошо оформить его использование.

И я вдруг поняла: мама боялась не только за меня. Она боялась за сам фундамент своей жизни — за закон, подписи и слова, которыми защищала людей и которыми другие умели прикрывать преступления.

— Поэтому я проверила всё, что могла, — продолжила мама. — И буду проверять дальше. Не потому что верю им. Потому что не верю.

Отец подошёл к столу и сел напротив меня, хотя я всё ещё стояла у двери.

— Мы не можем отменить второй курс, — сказал отец. — Если ты не пройдёшь Мариану, тебя признают нестабильной. Не как наказание. Потому что твой дар действительно не изучен. Ты сама знаешь, как он реагирует на море, артефакты и сиренные контуры.

Он остановился.

После того, что случилось.

Так взрослые называли конец первого курса, когда не хотели произносить конкретику. Как будто катастрофа была неприличным гостем, которого можно не представлять.

— То есть после того, что случилось, — повторила я, — меня надо положить под стекло и посмотреть, не светится ли что-нибудь ещё.

— Нет.

— Но похоже.

— Да, — сказал отец после паузы. — Похоже. Поэтому мы и говорим с тобой сейчас, а не делаем вид, что это просто поездка на практику.

Я наконец села за стол. Коробка лежала между нами как третья сторона переговоров. На крышке серебрилась печать — не такая, как у Бермудского корпуса: в этих линиях читалась не волна, а вертикаль. Вниз. Вниз. Вниз.

Я коснулась крышки. Внутри что-то едва отозвалось — не звуком, скорее ощущением, будто кожа на предплечье вспомнила холод. Мой дар, образец эмоциональной стабильности, снова решил поучаствовать без приглашения.

— Там комплект формы? — спросила я.

— Не совсем, — сказала мама. — На втором курсе нет такой формы, как в первом корпусе. Мариана использует исследовательские комплекты. Одежда с датчиками, креплениями, защитными слоями. Есть базовый вариант, но допускается индивидуальная подгонка.

— О, прекрасно. Значит, я смогу выглядеть как человек, которого стильно похитила лаборатория.

Мама неожиданно улыбнулась. Слабенько. Но улыбнулась.

— Я попросила убрать всё лишнее из твоего комплекта.

— Что значит лишнее?

— То, что можно использовать для постоянного считывания вне учебных зон.

Я посмотрела на неё с новым уважением.

— Мам, ты только что сказала самую романтическую фразу за всё время. Зачем ты всё это время скрывала, что любишь меня?

— Не привыкай. Я всё ещё считаю, что тебе нужна нормальная обувь, а не то, что ты называешь «ботинки, которым доверяю больше, чем людям».

— Они хотя бы ни разу не отправляли меня в магическую школу без предупреждения.

— Ботинки не умеют подписывать образовательные договоры.

— Вот именно. Идеальные взрослые.

Отец прикрыл глаза ладонью. Возможно, он молился. Возможно, жалел, что у него нет кнопки выключения для меня. Или хотя бы функции «сарказм: минимальный режим».

Завтрак всё-таки состоялся.

Я ела тост с сыром, который не чувствовала на вкус, и слушала программу: Марианская впадина, глубинный корпус, исследование дара, кураторы, психологическое сопровождение, устойчивость к давлению, историческая часть.

Историческая часть, конечно. В магическом мире всё самое подозрительное обязательно было историческим. Если ребёнка ставили под стекло — историческая необходимость. Если бывших учеников прятали под корпусом — историческая ошибка, оформленная задним числом. Если семнадцатилетних отправляли в Марианскую впадину — исторический этап обучения.

Родители, судя по всему, вопросы задавали. Много. Мама показывала пометки, отец — список контактов, доступных мне в любой момент. Рей был в списке. Кристиан — нет.

Я заметила это сразу.

— Кристиана нет в контактах.

Мама посмотрела на отца.

Отец посмотрел на кофе.

Я отложила тост.

— Что?

— Кристиан Ллойд, — осторожно сказала мама, — будет в Мариане.

— Это не ответ на вопрос. Это начало проблемы.

— Он будет там с профессором Реем, — сказал отец. — Не как студент. Как ассистент и как... участник отдельной диагностики.

Я почувствовала, как внутри что-то холодно сжалось.

— Копьё.

— Да.

Кристиан после финала первого курса выглядел так, будто выжил только потому, что слишком хорошо умел не падать. Его артефакт — длинное тёмное копье с серебристым накопником — больше не был просто направляющим предметом. В нём остался приказ. Или след приказа. Или тень того, что Александр Ллойд пытался сделать с собственным сыном.

Маги любили разные формулировки. «Остаточный контур». «Фрагмент волевого сцепления». «Риск вторичного резонанса». Я называла это проще: в копье осталась мерзость.

— Его отправляют туда, потому что Мариана единственное место, где можно это проверить?

— Да, — сказал отец. — И потому что Рей настоял, чтобы диагностика проходила под его контролем.

— Рей настоял. То есть Совет хотел иначе.

Мама и отец снова переглянулись. В этом доме переглядывания родителей стали отдельной системой сигнализации.

— Совет хотел временно изолировать Кристиана от образовательных потоков, — сказала мама. — До полной оценки рисков.

Я фыркнула.

— Конечно. После того как его отец попытался превратить его в первый голос, логичнее всего изолировать Кристиана. Не Александра, который сбежал. Не протоколы. Не взрослых, которые всё просмотрели. Кристиана.

— Александр объявлен в розыск, — сказал отец.

— Очень за него рада. Надеюсь, объявление красивое.

— Кира.

— Что? Я серьёзно. Может, там его фото с тростью и подпись: «Видели этого человека? Не давайте ему детей, артефакты и доступ к школьным подвалам».

Мама закрыла лицо рукой.

— Рей считает, что оставлять Кристиана наверху опаснее, — сказал отец. — Для самого Кристиана тоже. В Мариане есть оборудование для глубинной диагностики артефактов. И Рей будет рядом.

Я хотела спросить, будет ли Кристиан рядом со мной. Не как романтическая героиня, ждущая холодного парня у окна, а как человек, который видел, как он держался в белой комнате, и теперь не мог спокойно думать, что его снова будут измерять и решать, насколько он опасен.

Но я не спросила. Родители и так слишком внимательно за мной наблюдали.

Наблюдение. Восхитительное слово. Уже началось, а я ещё даже не села в транспорт.

— Он уже был в Мариане, да? — спросила я вместо этого.

Отец кивнул.

— На втором курсе. Все проходят.

— Значит, он знает, что там будет.

— Официальную часть — да.

— То есть неофициальная все-таки есть?

Отец промолчал.

И этого было достаточно.

После завтрака я забрала коробку к себе.

Комната выглядела почти как раньше: кровать, книги, лампа, шторы, которые мама хотела заменить. Но на столе лежали магические схемы, на подоконнике — ракушка с острова, в ящике — письма Алтею, которые я не знала, куда отправлять.

На стене висела карта магических морских территорий. Внизу — Бермудский треугольник. Дальше, почти на другом конце мира, — Марианская впадина.

Между ними было слишком много воды.

Я положила коробку на кровать и открыла.

Внутри лежала одежда.

Не форма первого курса. Не юбка, не пиджак, не галстук, который постоянно казался частью чьей-то плохой идеи о дисциплине. Это был чёрный исследовательский комплект: плотные брюки, мягкий высокий топ, куртка с узкими ремнями и аккуратными креплениями, пояс, перчатки, ботинки. Всё матовое, тяжёлое на вид, но неожиданно лёгкое в руках.

На внутренней стороне куртки был тонкий серебристый шов. Я провела по нему пальцем. Шов вспыхнул на секунду и погас.

— Ну здравствуй, одежда, которая наверняка знает обо мне больше, чем я.

На дне коробки лежал браслет.

Уже активный.

Тонкая чёрная полоска с серебристым внутренним контуром. Не украшение. Не совсем прибор. Не совсем наручники.

Самые опасные вещи в магическом мире почему-то всегда находились посередине между категориями. Не артефакт, не оружие, не контроль, не помощь. Просто «комплексный адаптационный модуль». Попробуй возненавидь официально.

Я не стала его надевать.

Вместо этого взяла телефон.

В чате нашей маленькой группы было сорок три непрочитанных сообщения.

Тимур: ну что, кто-нибудь уже получил коробку смерти или только я один такой счастливый?

Лиза: Это не коробка смерти. Это комплект второго курса.

Тимур: у тебя талант делать любую фразу хуже

Тина: Получила. Браслет не надевайте до инструкции.

Тобиас: поздно

Лиза: Ты надел?

Тобиас: я хотел проверить

Тимур: гениально, и что? все норм?

Тобиас: он сказал мне пульс

Тимур: и всё?

Тобиас: и предложил дыхательное чётотам

Тимур: поздравляю, тебя уже воспитывает браслет

Зик: Браслет, судя по маркировке, не просто считывает пульс. Там есть ментально-магический канал низкой активности. Не активизируйте без куратора. Серьёзно.

Тимур: Зик, ты умеешь писать так, что даже «доброе утро» звучит как начало расследования убийства

Зик: Доброе утро. Не надевайте браслеты.

Я впервые за утро улыбнулась по-настоящему.

Пальцы сами набрали:

Коробку получила, браслет не надела. Пока считаю себя морально выше Тобиаса.

Тобиас: я проверял безопасность

Кира: Ты проверил, что браслет умеет считать твой пульс и стыдить тебя за дыхание. Вклад в науку огромный.

Тимур: Кан вернулась, Мариана обречена

Лиза: Никто не обречён. Просто надо внимательно читать документы.

Тина: И не делать того, что первым приходит в голову.

Тимур: то есть не ехать?

Лиза: Мне кажется, это нельзя считать действующим советом, если транспорт уже завтра.

Я уставилась на слово «завтра».

Оно было маленькое. Неприлично маленькое для того, что означало.

Завтра я снова уеду.

Не в обычную школу. Не на море. Не в лагерь. Не в место, где можно писать Ане странные сообщения и делать вид, что у меня просто «сложный учебный год».

Завтра я спущусь в Марианскую впадину, где взрослые в белых, чёрных или идеально отглаженных костюмах будут смотреть на мой дар так, будто внутри неё спрятана схема, которую можно прочесть, если нажать достаточно аккуратно.

Телефон завибрировал снова.

Кристиан: Не надевай браслет до прибытия.

Я чуть не выронила телефон.

Сообщение было без приветствия. Разумеется. Зачем тратить буквы на человеческие формы жизни.

Я набрала:

Привет, Кристиан. Как приятно, что ты жив и по-прежнему умеешь начинать разговор так, будто пишешь инструкцию к токсичному оборудованию.

Ответ пришёл почти сразу.

Кристиан: Привет. Не надевай браслет.

Кира: Я уже поняла. Это новая версия «как дела»?

Кристиан: Как дела?

Я посмотрела на экран.

Потом на коробку. На браслет. На свою руку, где под кожей еле заметно серебрились линии.

Кира: *Прекрасно. Мне прислали одежду глубоководного агента, родители пытаются продать Мариану как санаторий для дара, и я планирую не умереть хотя бы до обеда. А у тебя?*

Кристиан: *Рей забирает меня с собой.*

Кира: *Я знаю.*

Кристиан: *Тогда ты знаешь не всё.*

Сердце неприятно дрогнуло.

Я села на край кровати.

Кира: *Что, говори.*

Пауза длилась слишком долго. Кристиан умел молчать даже в переписке так, что хотелось кинуть телефон в стену.

Кристиан: *Мариана не опасна так, как Бермудский корпус.*

Кира: *Вот вообще не успокоил.*

Кристиан: *Она опасна иначе.*

Я перечитала фразу несколько раз.

За окном обычный город шумел обычной жизнью. Где-то кто-то сигналил. На детской площадке кто-то смеялся. Мир был нахально нормальным. Как будто я не сидела на кровати рядом с коробкой, которая пахла холодным пластиком и чужими правилами.

Кира: *Ты был там.*

Кристиан: *Да.*

Кира: *И?*

Кристиан: *Не показывай на что способна.*

Я закрыла глаза.

Конечно.

Кристиан Ллойд мог написать «мне было страшно», «там сложно», «я не хочу туда возвращаться». Но вместо этого написал главное правило выживания, потому что, видимо, чувства в его семье тоже проходили через протокол согласования.

Кира: *Это всё?*

Кристиан: *Нет. Не спорь с формулировками в первый день. Не злись при кураторе. Не шути в отчёте.*

Кира: *То есть ты предлагаешь мне перестать быть собой. Потрясающая стратегия. Долго тренировался?*

Ответа не было.

И я сразу поняла, что попала.

Хотела язвить. Попала в рану.

Кристиан: *Я действительно долго тренировался.*

Я сидела неподвижно.

Экран светился в руках.

Кристиан: *В Мариане правильно реагировать важнее, чем честно реагировать. Я говорю не потому, что считаю это нормальным. Я говорю потому, что знаю.*

Кира: *А если я не хочу правильно?*

Кристиан: *Тогда будь готова к тому, что они назовут это данными.*

В комнате стало холоднее.

Не физически. Просто я вдруг очень ясно увидела Мариану — не как станцию в глубине, не как стекло и свет, а как место, где любую мою злость можно будет аккуратно записать. Любую шутку — классифицировать. Любую вспышку — привязать к профилю дара. Любой страх — назвать наблюдением.

Я написала: *Я не хочу быть данными.*

Кристиан: *Я знаю.*

И почему-то именно это «я знаю» оказалось хуже всех предупреждений.

Я долго смотрела на экран. Потом положила телефон рядом с коробкой.

Первый курс закончился, но обычная жизнь не вернулась. Она пыталась: я спала до полудня, ела хлопья прямо из коробки, смотрела тупые видео и несколько раз встречалась с Аней, слушая обычные драмы про ссоры, фотки и новый цвет волос.

Я смеялась в нужных местах. Кивала. Делала вид, что моя самая большая проблема — как объяснить год отсутствия без фразы «я училась на острове в Бермудском треугольнике, где маги использовали бывших учеников как часть защитной системы».

Аня не спрашивала слишком много. Однажды она принесла мне новую плюшевую акулу — маленькую, синюю, с глупым выражением морды.

— Эта выглядит так, будто знает меньше ужасов, — сказала она. — Предыдущая явно была слишком мудрая.

Я тогда чуть не расплакалась. Не из-за акулы. Из-за того, что кто-то пытался помочь мне без протокола, диагностики и слов «ради твоей безопасности».

Но нормальность всё равно не держалась. Вода в ванной иногда темнела на секунду, в зеркале мелькало белое движение, ночью снилась стеклянная стена. Однажды я проснулась на полу у кровати и поняла, что шепчу имена.

Марина. Екатерина. Бойд. София. Аделина.

Потом неизвестные.

Мама утром укрыла меня пледом и ничего не спросила. Это было хуже вопросов.

Я не хотела быть героиней. Героиня — удобное слово для человека, которого можно снова позвать туда, где страшно. Я хотела быть просто девочкой, пережившей первый курс и получившей законное право на скуку. Но мир не возвращал права просто так. Он прислал коробку.

К обеду я разобрала комплект, сложила вещи обратно, браслет оставила на столе и долго стояла перед зеркалом, пытаясь собрать волосы.

Кудри сопротивлялись героически: каре чуть ниже подбородка жило собственной политической жизнью. Для Марианы хотелось выглядеть практичнее, собраннее, менее похоже на человека, который пришёл спорить с бездной с помощью укладки.

Получился маленький высокий хвост, из которого сразу выбились пряди.

— Отлично, — сказала я отражению. — Вид: «пережила катастрофу, собралась на дно океана, расчёску победить не смогла».

Я надела куртку из комплекта. Она села идеально. Слишком идеально, будто с меня снимали мерки во сне.

— Нет. Вот это уже личное.

В дверь постучали.

— Можно? — спросила мама.

Я расстегнула куртку до середины.

— Да.

Мама вошла и остановилась.

— Тебе идёт.

— Не начинай. Это одежда, которая выглядит так, будто у неё есть отдельный договор с моими страхами.

— И всё-таки идёт.

Мама подошла ближе, поправила ремень на плече. Движение было таким обычным, таким домашним, что я вдруг снова почувствовала себя маленькой, а не возможным береговым профилем.

— Мы можем ещё раз запросить индивидуальную корректировку, — сказала мама. — Если что-то неудобно.

— Неудобно, что она существует.

— Это сложнее поправить.

— Вот поэтому ты и юрист, а не волшебница.

Мама улыбнулась краем губ.

Потом увидела браслет на столе.

— Не надела?

— Все, кто умнее Тобиаса, не надели.

— Это высокая планка?

— Утром была низкая. Но он уже провёл эксперимент на себе, так что теперь у нас есть данные.

Мама покачала головой.

— Я хочу, чтобы ты знала: если там будет что-то, что нарушает твои права, ты пишешь мне сразу. Не после. Не когда будет удобно. Не когда решишь, что справишься. Сразу.

— Мам, если там будут нарушать мои права, они, скорее всего, назовут это «расширенной адаптацией».

— Тогда ты пишешь мне фразу «расширенная адаптация».

Я посмотрела на неё.

Мама была серьёзна.

— Это код? — спросила я.

— Это повод для меня начать звонить людям в таком порядке, который им не понравится.

— Звучит почти утешительно.

— Почти?

— Я оставляю место для роста.

Мама села на край кровати. Некоторое время мы молчали.

— Ты злишься на нас, — сказала она наконец.

Это было не вопросом.

Я прислонилась к столу.

— Да.

— Правильно.

— Мам.

— Нет. Правильно. Мы молчали о магии. Мы думали, что защищаем тебя. Возможно, в какой-то момент это и было защитой. А потом стало ложью. Я не хочу сейчас делать вид, что если мы очень волнуемся, то всё исправили.

Я не знала, что ответить.

Мама редко говорила так прямо. Обычно она строила фразы как мосты: аккуратно, чтобы пройти по ним и никого не утопить. Сейчас моста не было. Только вода.

— Я злюсь. Но я всё равно не хочу, чтобы вы исчезли из моей жизни. Это ужасно неудобное сочетание. Кто вообще проектировал подростковую психику? Я хочу подать жалобу.

Мама тихо рассмеялась. Потом потянулась и обняла меня.

Я сначала стояла напряжённо. Потом всё-таки обняла в ответ.

От мамы пахло кофе, духами и бумагой. Не магией. Не морем. Домом.

Это было опасно. Дом напоминал, что есть что терять.

Вечером мы ужинали вместе. Отец приготовил пасту и пересолил соус. Никто не сказал. Семейная солидарность иногда выражалась в коллективном употреблении соли.

На столе снова лежали документы.

— Пап, — сказала я, накручивая спагетти на вилку, — у нас дома есть правило, запрещающее класть магические бумаги рядом с едой?

— Нет.

— Надо ввести. У меня паста смотрит на протоколы и теряет вкус к жизни.

Отец отодвинул верхнюю распечатку.

— Это маршрут. Атлантический узел, Тихоокеанский коридор, спусковой модуль Марианы. Первые два этапа — порталные, последний — физический спуск.

— Почему нельзя порталом сразу внутрь станции?

— Давление, защита, древние ограничения территории и политика морских народов, — сказал отец.

— Прекрасно. Четыре причины, и каждая звучит как отдельная смерть.

— Порталы на глубине нестабильны, — добавила мама. — Особенно после событий в Бермудском корпусе.

— Всё после Бермудского корпуса звучит нестабильно. Даже я.

— Ты не нестабильна, — сказал отец слишком быстро.

Я подняла бровь.

Он понял ошибку.

— Ты не сводишься к этому слову.

— Уже лучше.

Отец устало улыбнулся.

— Учусь.

Было странно видеть, как родители заново учатся говорить со мной. Как будто они тоже прошли первый курс, только без расписания и формы.

После ужина мама ушла на очередной звонок с юристом Совета. Отец остался мыть посуду. Я помогала вытирать тарелки, хотя обычно это занятие считала разновидностью бытового наказания.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я ехала.

Отец не сразу ответил.

Вода шумела в раковине.

— Нет, — сказал он наконец. — Не хочу.

— Но говоришь, что надо.

— Да.

— Это взрослая версия предательства?

Он выключил воду и посмотрел на меня.

— Это взрослая версия бессилия.

Я опустила глаза.

Отец взял полотенце, но тарелку не вытер. Просто держал её.

— Я могу забрать тебя и спрятать. Могу попробовать. На какое-то время. Но твой дар не исчезнет. Море не перестанет реагировать. Совет не перестанет интересоваться. Александр не станет менее опасен. А ты... ты не будешь в безопасности просто потому, что мы закроем дверь.

— На первом курсе дверь тоже не помогла, — пробормотала я.

Отец не улыбнулся.

— Именно.

Я прислонилась к столешнице.

— А если Мариана хуже?

— Тогда ты не будешь одна.

— Это все говорят.

— Я знаю. Но я говорю не как школа. Я говорю как человек, который уже ошибся и больше не имеет права на удобную веру.

Он сказал это так спокойно, что стало больно.

Я кивнула.

— Я буду писать.

— Не только когда всё плохо.

— Пап.

— Не только когда всё плохо, — повторил он. — Я хочу знать не только катастрофы. Я хочу знать, что ты ела. Кто тебя бесит. Что сказал Тимур. Почему Лиза снова права. Что сделал Тобиас. Как там... Зик?

— Зик, — подтвердила я. — Он, скорее всего, уже построил модель смерти от браслета.

— Вот. Пиши и это.

— Ты хочешь сплетни со дна океана?

— Я хочу дочь со дна океана.

Я отвернулась к окну.

Иногда отец был невыносим именно потому, что мог сказать простую фразу и сломать мне всю оборону.

Перед сном мама всё-таки настояла на официальном вводном сообщении Марианы.

— Это обязательная часть подготовки, — сказала она.

— С каких пор мы выполняем обязательные части подготовки добровольно?

— С тех пор как я хочу знать, какие именно слова они используют до того, как ты их услышишь без меня.

Аргумент был неприятно разумный.

Мы сели в гостиной. Отец принёс ноутбук, мама открыла защищённую ссылку, я устроилась на диване с плюшевой акулой как моральным адвокатом. На экране появилась тёмная вода, серебристая вертикаль станции и тонкая линия света, уходящая вниз, словно кто-то провёл ножом по чёрной ткани.

Потом возник мужчина лет сорока в идеально застёгнутом тёмном кителе. Внизу подпись: «доктор Аркадий Велес. Координатор вводной программы второго курса. Корпус «Мариана»».

— Уважаемые студенты второго курса, — начал он. — От имени исследовательского совета корпуса «Мариана» приветствую вас на глубинном этапе обучения.

— От имени бездны тоже передают привет?

Мама поставила видео на паузу.

— Мы можем смотреть с комментариями или без?

— Я могу обещать только с комментариями тише.

Доктор Велес рассказывал красиво. Про историческую преемственность, стабилизированное глубинное давление, индивидуальные траектории, кураторов и безопасность как «абсолютный приоритет корпуса».

— Пап, если кто-то говорит «абсолютный приоритет», значит, есть ещё приоритеты, которые уже спорят с ним за кресло?

На экране сменялись стеклянные лаборатории, студенты в чёрных комплектах, светящиеся схемы и огромные окна с чёрной водой за ними. Все улыбались. Особенно те, кто сидел в диагностических креслах.

— У них там отдельный курс «как улыбаться, когда тебя подключили к непонятной штуке»?

— Это рекламный ролик, — сказал отец. — Не протокол допроса.

— Пока.

Дальше выпускники рассказывали, как Мариана помогла им «узнать себя глубже», «принять структуру дара», «понять собственные границы» и «перестать бояться силы».

Они могли говорить правду. В этом и была проблема. Мариана могла действительно помогать. Там могли спасти детей от собственного дара. Мир не был обязан быть удобно злодейским.

Тихие комнаты было проще ненавидеть. Они прятались. Мариана, судя по ролику, ничего не прятала. Она гордилась собой.

— Они все говорят одинаково, — сказала я. — «Узнать себя», «границы», «структура», «безопасность». Как будто им выдали словарь нормальной благодарности.

Отец перемотал назад, потом вперёд.

— Ты права. Формулировки слишком схожи.

— Или выбирали тех, кто звучит правильно, — сказала я.

На экране появилась девушка лет семнадцати с тяжёлыми тёмными косами и спокойной улыбкой.

— До Марианы я боялась своей магии, — сказала она. — Теперь я понимаю, что контроль — это забота о себе и окружающих.

Контроль — это забота.

Можно было вышить на подушке и подарить Александру Ллойд, если его когда-нибудь поймут и запрут в месте с плохим интерьером.

Отец остановил видео.

— Хватит на сегодня.

— Нет, досмотрим. Я хочу знать не только что меня ждёт, а как они хотят, чтобы я это называла.

Мама молча включила дальше.

Следующий блок назывался «Право студента на информированное участие». Голос Велеса стал ещё мягче: каждый студент может знать цель процедуры, задавать вопросы, фиксировать дискомфорт и приостанавливать участие «в рамках утверждённого адаптационного протокола».

— Приостанавливать в рамках, — повторила я. — Перевозу: можно отказаться, если отказ заранее предусмотрен.

— В договоре есть отдельный пункт о полном отказе, — сказала мама.

— И что будет при полном отказе?

Отец ответил за неё:

— Оценка нестабильности профиля. Дополнительная комиссия. Возможное временное ограничение доступа к некоторым практикам.

— То есть можно отказаться. Просто потом тебя объявят проблемой.

— Да, — сказал отец честно.

На экране доктор Велес улыбался и говорил: «Мы не ищем, как использовать ваш дар. Мы ищем, как помочь вам понять его».

Именно поэтому Мариана пугала.

Не потому что выглядела как зло.

А потому что выглядела как шанс.

Я закрыла ноутбук прежде, чем ролик закончился.

— Я не хочу ехать туда уже ненавидящей, — сказала я неожиданно для самой себя.

— Тогда не надо, — сказал отец.

— Но если не ненавидеть, можно расслабиться. А если расслабиться...

— Можно пропустить удар, — закончила мама.

Я кивнула.

Мама отложила блокнот.

— Ненависть не единственный способ не расслабляться.

— А какие ещё есть? Подозрительность? Паранойя? Юридическая грамотность?

— Все три, — сказала мама. — Но ещё внимание.

Отец сел рядом.

— Ты можешь смотреть и не верить сразу. Принимать помощь и не отдавать себя целиком. Соглашаться на урок, но не соглашаться стать материалом.

— Звучит сложно.

— Да.

— В рекламном ролике это не упоминали.

— Потому что честные ролики редко набирают студентов.

Мама развернула ко мне распечатку.

— Три вещи. Любая процедура должна иметь название и цель. Ты имеешь право спросить, кто получит данные. Если говорят «это стандартно», спрашиваешь, где стандарт написан. Перед процедурами можешь отправлять мне информацию, я проверю.

— Mam, я еду на второй курс магической школы или на заседание суда?

— Да.

Отец фыркнул.

Я неожиданно рассмеялась. Смех вышел неровным, но настоящим.

— Если я начну спрашивать «где стандарт написан», меня возненавидят к обеду первого дня.

— Я на это рассчитываю, — сказала мама.

— Не будь удобной, версия юридическая.

— Именно.

Мы ещё немного разобрали материалы. Мама подчеркнула фразы, которые стоило запомнить. Отец показал аварийную линию связи в маленьком плоском артефакте, похожем на металлическую закладку.

— Его не должны считать системы Марианы, — сказал он.

— «Не должны» — это новый семейный девиз?

— Рабочий.

— А если считают?

— Тогда я узнаю, что они нарушили ещё один пункт.

Я взяла артефакт. Он был прохладный и тяжёлый.

— А если я потеряю?

— Не потеряешь.

— Пап, я однажды потеряла телефон в собственной комнате.

— Это было до того, как ты начала хранить вещи так, будто от них зависит жизнь.

Я хотела возразить, но не смогла.

После разбора документов мама ушла спать. Отец остался в гостиной, выключил верхний свет, оставил только лампу. Я должна была тоже уйти, но задержалась у двери.

— Пап?

— Да?

— Ты правда думаешь, что Мариана может помочь?

Он не ответил сразу.

— Да, — сказал наконец. — Может.

Я кивнула.

Почему-то этот ответ было трудно принять.

— А навредить?

— Да.

— Великолепно. Полный спектр образовательных услуг.

Отец посмотрел на меня устало и мягко.

— Я думаю, что почти всё сильное может помочь и навредить. Вопрос в том, кто держит инструмент и кого спрашивают перед тем, как им пользоваться.

Я вспомнила якорь за стеклом.

— А если инструмент держит система?

— Тогда рядом должны быть люди, которые не дают системе считать себя единственным взрослым в комнате.

— Это ты сейчас про Рея?

— В том числе.

— А про меня?

Отец чуть улыбнулся.

— Особенно.

Я стояла в дверях и думала, что это совершенно нечестно: сначала взрослые всю жизнь скрывают магию, потом магия пытается тебя съесть, потом те же взрослые говорят такие вещи, после которых уже нельзя просто быть обиженной.

Обида любила простые формы. Жизнь, к сожалению, нет.

— Я постараюсь.

— Не быть единственным взрослым в комнате?

— Не дать комнате съесть меня вместе с мебелью.

— Тоже хорошая цель.

Я ушла к себе, но сон не пришёл. Перед глазами стояли выпускники из ролика: одинаковые спокойные улыбки, фразы про контроль и уверенность, что Мариана помогла им понять себя.

Ночью я почти не спала.

Положила вещи в сумку, потом вынула, потом снова положила. Добавила плюшевую акулу. Убрала. Потом всё-таки добавила. Аня бы гордилась. Или подала бы заявление на совместную опеку над акулой.

Телефон мигал сообщениями.

Лиза отправила список того, что надо взять дополнительно. Документ был на две страницы. Тимур ответил на него картинкой человека, тонущего в бумагах. Тина написала, что список полезный. Тобиас признался, что браслет теперь напоминает ему пить воду. Зик прислал схему возможного устройства браслета, и я поняла примерно три слова: «канал», «контур» и «плохо».

Кристиан больше не писал.

Я ему тоже.

Вместо этого я открыла пустой чат с Алтеей. Это было бессмысленно: номера у сирены не было. Чат был просто заметкой, которую я назвала её именем.

Она написала:

«Я еду в Мариану. Если ты это каким-то образом чувствуешь, пожалуйста, не делай загадочное лицо. Мне хватило загадочных лиц на год вперёд».

Подумала и добавила:

«Ты говорила, море помнит. А оно умеет забывать?»

Отправлять было некуда.

Я выключила телефон.

Сон пришёл под утро, липкий и короткий. Мне снилась вода. Не бурная, не поющая, не зовущая. Чёрная. Вертикальная. Она уходила вниз без конца, и где-то далеко в ней мерцал свет, похожий на глаз.

Я хотела проснуться, но не могла.

Тогда в темноте кто-то произнёс: Раз уже прозвучало.

Я резко села в кровати.

За окном было ещё серо. Сердце колотилось. Рука светилась слабым серебром под кожей.

В комнате было тихо.

Слишком тихо.

Не как дома ночью. Не как перед рассветом. А как в месте, где звук не исчезает, а его удерживают.

Я сжала руку в кулак.

— Нет, — я попыталась успокоить себя. — Даже не начинай.

Тишина не ответила.

Я открыла чат с группой.

Тимур: *если кто-то ещё смотрел официальный ролик, подтвердите: у меня теперь аллергия на слово «структура»*

Лиза: *Ролик информативный.*

Тимур: *ты пугаешь меня сильнее Марианской впадины*

Тина: *Он слишком гладкий. Но полезный.*

Зик: *Фраза «стабилизированное глубинное давление» технически бессмысленна без уточнения метода стабилизации.*

Тобиас: *я понял только, что там всё синее и надо подписывать бумажки*

Тина: *Мне ещё понравились светящиеся медузы. Я пытаюсь держаться за это.*

Кира: *Светящиеся медузы — единственное, что пока не выглядит как юридическая ловушка.*

Тимур: *если нас съест медуза, я буду считать это предательством твоих рекомендаций*

Кира: *Я не рекомендовала. Я сказала «пока».*

Тимур: *важно, зафиксировал*

Лиза: *Не фиксируй глупости.*

Тимур: *поздно, у меня теперь свой протокол*

Я смотрела на сообщения и чувствовала, как страшное становится чуть менее одиноким. Не меньше. Но распределённое: огромный груз разложили по нескольким рукам, и каждый мог ругаться, пока держит.

Возможно, именно так и выглядела группа: не герои, не избранные, не будущие спасители мира. Подростки, которым выдали коробки, браслеты и историческую бездну по расписанию — и которые всё равно спорили о роликах, шутили про медуз и проверяли, кто надел браслет первым.

Я выключила экран.

На этот раз, прежде чем провалиться в сон, я подумала не о тихих комнатах.

Я подумала о том, что если Мариана действительно лаборатория с расписанием, то расписание тоже можно читать.

А если его можно читать, значит, в нём можно найти пустые строки.

А пустые строки иногда спасают лучше, чем самые громкие обещания безопасности.

Утро отъезда началось с того, что мама забыла сахар в кофе, отец забыл ключи от машины, а я забыла, как дышать, когда увидела у двери три сумки, коробку с документами и своё отражение в зеркале.

Я надела исследовательский комплект не полностью. Брюки, ботинки, тёмный топ, куртка. Ремни пока оставила застёгнутыми не все. Браслет — в кармане. Волосы собрала в высокий хвост, который выглядел так, будто держится исключительно на упорстве.

Рисунок на предплечье был закрыт рукавом. Это немного помогало. Если не видеть, можно было почти сделать вид, что под кожей не живёт часть моря.

Мама вышла из спальни уже в пальто, с идеально собранной сумкой и лицом человека, который готов судиться с океаном при наличии достаточной правовой базы. Отец проверял документы. Вадим, охранник, внизу уже ждал машину.

— Готова? — спросил отец.

Я посмотрела на сумки.

— Нет.

— Хорошо. Поехали.

Я усмехнулась.

— Вот за это спасибо.

Прощание с домом оказалось хуже, чем я думала. Без музыки и дождя: просто я закрыла дверь своей комнаты и поняла, что когда вернусь, снова буду другой.

Первый курс забрал девочку, которая не знала о магии. Вернул ту, которая знала слишком много и всё равно не понимала главного. Второй курс, судя по всему, собирался забрать уже эту версию.

Магический транспортный узел находился не в аэропорту, конечно. Аэропорты были слишком честными: там хотя бы прямо говорили, что ты садишься в металлическую штуку и надеешься, что физика не передумает.

Узел прятался под зданием старого института океанографии на окраине города. Снаружи — серый фасад, облупленная табличка, скучающий охранник. Внутри — лифт, который не имел кнопки «минус семь», но всё равно туда ехал.

— Ненавижу магическую инфраструктуру, — сказала я, когда лифт опустился ниже, чем должен был. — Она всегда выглядит как незаконная перепланировка реальности.

Отец стоял рядом, держа мою сумку.

— У тебя будет много поводов повторить эту фразу.

— Чудесно. Значит, образовательный результат уже есть.

Внизу нас встретил коридор из серого камня и стекла. Не такой старый, как школьные подземелья в плохих фильмах. Скорее государственный. Чистый, холодный, функциональный. На стенах светились тонкие линии навигации. Людей было много: студенты с родителями, сотрудники в тёмных костюмах, несколько преподавателей, магические служащие с планшетами и артефактами.

Я сразу увидела своих.

Лиза стояла у колонны с планшетом и проверяла что-то в списке. Светлые волосы были собраны в хвост, лицо сосредоточенное, будто она решила лично не дать второму курсу развалиться из-за плохой организации.

Тина рядом молча наблюдала за потоком людей. Длинные тёмные волосы, спокойное лицо, руки в карманах. Она выглядела так, будто уже всё поняла и теперь ждала, когда остальные догонят.

Тобиас стоял чуть в стороне, высокий, крепкий, мрачный, и смотрел на сотрудников так, словно выбирал, какую стену проще проломить при необходимости.

Зик сидел на собственной сумке и что-то быстро писал в блокноте. Светлые волосы растрепались, под глазами залегли тени. Он выглядел как человек, который прочитал все правила и теперь страдает от знания.

Тимур увидел меня первым.

— Кан! — он поднял руку. — Жива, не светишься, браслет не надела. Горжусь.

— Взаимно, — сказала я, подходя. — Ты тоже выглядишь почти функциональным.

Тимур был в тёмной куртке исследовательского комплекта, но носил её так, будто это не форма допуска к глубинной диагностике, а стильное решение для человека, который случайно оказался в опасном сюжете и решил хотя бы выглядеть хорошо.

— Я функционален на семьдесят процентов, — сказал он. — Остальные тридцать заняты внутренней паникой и мыслью, что нас опять везут туда, где взрослые скажут «всё под контролем».

— Ты тоже это слышишь?

— После Бермудского корпуса? Я теперь слышу это даже в рекламе йогурта.

Я фыркнула.

Тимур посмотрел на моих родителей и сразу стал серьезнее.

— Здравствуйте.

— Тимур, — кивнул отец.

Мама улыбнулась ему чуть теплее, чем остальным. Тимур умел вызывать у взрослых желание накормить его и одновременно проверить, не спрятал ли он что-нибудь взрывоопасное.

— Вы присмотрите друг за другом? — спросила мама, и прозвучало это не как дежурная фраза, а как просьба.

— Обязательно, — сказал Тимур. — У нас после первого курса групповая лицензия на коллективное выживание.

— Лицензия просрочена, — заметила Лиза, не отрываясь от планшета. — И её никто не выдавал.

— Но звучит уверенно.

— Именно поэтому опасно.

Я вдруг почувствовала, как меня немного отпустило.

Вот они. Моя шестая группа. Проблемная, неудобная, списанная, выжившая. Люди, рядом с которыми страх не исчезал, но переставал быть единственным языком мира.

— Всё, — сказала я. — Возвращаемся к йогурту. Там хотя бы пробиотики.

Лиза наконец отложила планшет.

— Нам нужно пройти первичную отметку. Там проверяют документы и выдают временные метки транспортировки.

— Метки? — переспросил Тобиас.

— Не на кожу, — быстро сказала Лиза. — На багаж и маршрутный профиль.

— После прошлого раза уточнять полезно, — буркнул он.

Они пошли вместе.

Родители шли рядом до контрольной линии. Дальше нам предстояло проходить отдельно. Я видела, как мама старается держаться. Как отец смотрит на каждого сотрудника, словно запоминает лицо на случай будущего суда или драки. Может, оба варианта.

У контрольной стойки женщина в тёмной форме проверила документы, подняла взгляд и на мгновение застыла.

Не сильно. Не так, чтобы кто-то другой заметил. Но я заметила.

Она уже знала этот взгляд.

Не «вот студентка».

А «вот она».

Я. Та самая. Девочка из Бермудского корпуса. Позднее пробуждение. Хор. Тихие комнаты. Алтея. Кристиан Ллойд. Александр. Катастрофа, которую взрослые теперь называли инцидентом, потому что «инцидент» помещался в отчёт, а «мы чуть не построили защиту из детей» — нет.

Женщина опустила глаза к экрану.

— Кан Кира Юрьевна. Второй курс. Группа шесть. Допуск подтверждён. Браслет адаптации?

— В кармане.

— Надеть после прибытия в корпус «Мариана» по команде куратора.

— Я как раз мечтала получить команду куратора перед тем, как надеть украшение тревоги.

Женщина моргнула.

Лиза тихо кашлянула.

Тимур отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Сотрудница сделала вид, что ничего не слышала. Профессионал.

— Пройдите к зоне ожидания номер три.

Я взяла метку багажа и отошла.

— Не шути в протоколе, — сказал за моей спиной знакомый голос.

Я повернулась.

Кристиан стоял у прохода к служебной зоне.

На нём был чёрный исследовательский костюм Марианы — не школьная форма и не прежний строгий пиджак. Куртка с высоким воротом, тёмная рубашка, аккуратные крепления, ID-пропуск на груди. Волосы стали короче. Пепельные пряди были убраны назад, уже без той длинной почти аристократической небрежности, которая раздражала ингя весь первый курс. Лицо — красивое, холодное, собранное. Зелёные глаза внимательные.

И копьё.

Длинное тёмное, с серебристым наконечником, оно стояло рядом с ним почти спокойно.

Почти.

Я почувствовала, как рисунок на моей руке шевельнулся под рукавом.

— Ты сказал это так, будто у меня есть шанс.

— Шанс всегда есть.

— Ужасно оптимистично. Рей тебя плохо воспитывает.

Кристиан посмотрел на её родителей. Поклонился чуть заметно — не театрально, а ровно настолько, чтобы напомнить, что Ллойды даже в транспортном узле могут выглядеть как люди, которым принадлежит мебель.

Отец напрягся. Мама тоже.

Кристиан это увидел. Конечно, увидел. Он вообще слишком многое видел и слишком мало говорил.

— Профессор Рей ждёт у служебного шлюза, — сказал он. — Он хотел поговорить с твоими родителями до отправления.

— Прекрасно. Ещё один взрослый раунд «мы всё контролируем».

— Он не будет так говорить.

— Потому что он умный?

— Потому что знает, что это неправда.

Это было настолько по-реевски, что я даже не нашла, чем ответить.

Профессор Кирриан Рей действительно стоял у служебного шлюза, высокий, статный, в чёрной рубашке, расстёгнутой ровно настолько, чтобы официальная обстановка чувствовала себя неуверенно. Волосы собраны, короткая чёрная борода подчёркивала скулы. Он выглядел не как человек, который сопровождает студентов на второй курс, а как командир, временно согласившийся не захватывать станцию до обеда.

— Кира, — сказал он. — Юрий. Екатерина.

Мама мгновенно стала юристом.

— Профессор Рей.

— Документы я видел. Ваши правки тоже. Некоторые доставили мне эстетическое удовольствие.

— Надеюсь, не только эстетическое.

— Две уже приняли. Третью будут ненавидеть до конца семестра, что обычно хороший знак.

Я посмотрела на мать с уважением.

— Мам, ты внесла правки в Мариану?

— В правила доступа к данным студентов, — сказала мама. — Не во всю Мариану.

— Пока, — добавил Рей.

Отец коротко усмехнулся.

— Вы будете там? — спросил он у Рея без вступлений.

— Да.

— Не только на открытии курса?

— Не только.

— И Кристиан будет под вашим контролем?

Кристиан стоял рядом и молчал.

Рей перевёл взгляд на него. Потом обратно на отца.

— Кристиан будет под моей защитой и под моим наблюдением. Это разные вещи. Я постараюсь не перепутать.

Я заметила, как Кристиан чуть опустил глаза.

Слова попали. Не больно. Точно.

— А Кира? — спросила мама.

— Кира будет под наблюдением всей Марианы, — сказал Рей. — Это плохая новость. Хорошая: теперь она знает, как выглядит клетка, когда её называют безопасностью. Это делает её менее удобной.

— Вы считаете это преимуществом? — спросила мама.

— Огромным.

— Я прямо здесь. Если что, можно обсуждать мою неудобность при мне. Я уже достаточно взрослая, чтобы знать, что раздражаю системы.

Рей посмотрел на меня.

— Не раздражаешь. Выявляешь.

— Это почти комплимент?

— Почти диагноз.

— Чудесно. Второй курс ещё не начался, а меня уже классифицировали.

— Добро пожаловать в Мариану, — сказал Рей.

Объявили посадку.

Слова прозвучали мягко, почти безлично, но люди вокруг сразу зашевелились. Родители начали обнимать детей. Кто-то плакал. Кто-то фотографировал. Кто-то делал вид, что не плачет, и выглядел от этого ещё хуже.

Я повернулась к маме.

Она обняла меня крепко. Не так, как утром. Сейчас — как будто пыталась запомнить вес.

— Пиши, — сказала она. — Про всё.

— Даже про йогурты?

— Особенно про йогурты.

Отец обнял меня следом. Я уткнулась лбом ему в плечо и на секунду снова стала той, у кого самый страшный день в жизни был связан с контрольной по математике.

Сердце нервно подрагивало. В глазах и в носу неприятно щипало.

— Я люблю тебя, — сказал он тихо.

— Я тоже.

— Не будь удобной.

Я отстранилась и посмотрела на него.

Отец улыбнулся грустно.

— Думаю, это безопаснее, чем просить быть осторожной.

— Вот теперь похоже на нормальное напутствие.

Я взяла сумку.

Группа собралась у прохода. Кристиан уже ушёл вперёд с Реем. Его копьё скользнуло в служебный коридор последним, как тень.

Транспорт к Мариане оказался не кораблём и не поездом.

Первый этап — порталный зал. Белый круг на полу, серебристые линии, сотрудники, которые говорили слишком спокойно. Потом короткий рывок пространства. Атлантический узел. Ещё один зал, влажный воздух, запах соли и металла. Потом Тихоокеанский коридор — длинная стеклянная галерея, за которой я увидела небо другого цвета.

И только потом — спусковой модуль.

Он стоял в ангаре, похожем на пасть механического кита. Глубинный транспорт был вытянутым, чёрным, с круглыми окнами и толстыми рёбрами корпуса. Не красивый. Надёжный. А это, учитывая магический мир, было почти экзотикой.

— Это точно транспорт? — спросил Тимур. — Не капсула для коллективного маринования?

— Давление на глубине Марианской впадины превышает тысячу атмосфер, — сказал Зик автоматически.

— Зик.

— Что?

— Иногда люди задают вопросы, чтобы стало легче, а не чтобы получить число смерти.

— А. Прости.

Я посмотрела на модуль.

Тысяча атмосфер.

Мир над тобой превращается в вес.

В Бермудском треугольнике океан был рядом. За стеклом, за куполом, вокруг острова. Он шумел, звал, бился о чёрные скалы. В Мариане океан будет не рядом. Он будет сверху. Снизу. Везде. Не песня — давление.

Нас рассадили по секциям. Группа шесть оказалась в одном отсеке, чему я была благодарна настолько, что даже не сказала ничего язвительного сотруднику с планшетом. Тот, возможно, не понял, какого счастья избежал.

Кресла были глубокими, с ремнями. Окна — маленькими и толстыми. За ними пока был ангар.

Я села у стекла. Тимур — рядом. Лиза напротив. Тина у прохода. Тобиас занял место так, чтобы видеть дверь. Зик сразу начал изучать панель безопасности и получил от Лизы взгляд, который означал: «Не трогай, если хочешь дожить до образовательного процесса».

Пока модуль проходил финальную проверку, в отсеке включился обзорный экран.

На нём высветился маршрут: поверхность, промежуточная глубина, зона стабилизации, внешнее кольцо Марианы, внутренний шлюз. Всё выглядело удивительно аккуратно. Как будто спуститься на дно мира — примерно то же самое, что доехать на лифте до парковки.

— Смотрите, — сказал Тимур, показывая на схему. — У нас даже есть зона стабилизации. Значит, если мы начнём паниковать, нас стабилизируют. Наверное, ударом током.

— Магическим током, — уточнил Зик. — Физический ток на такой глубине в присутствии защитного контура может дать непредсказуемую реакцию.

— Я обожаю, когда ты уточняешь, почему мои кошмары технически неточны.

Лиза наклонилась вперёд.

— В зоне стабилизации, судя по описанию, проверяют совместимость браслетов и индивидуальных контуров с давлением станции. Это не обязательно плохо.

— Лиза, — сказала я, — ты сейчас звучишь как человек, который однажды сможет оправдать каннибала фразой «он просто изучал границы пищевого поведения».

Лиза возмущённо моргнула.

— Это разные вещи.

— Да. Каннибал хотя бы честнее.

Тина, которая всё это время смотрела в окно, вдруг сказала:

— Лиза права в одном. Если мы будем считать плохим вообще всё, мы пропустим, где станет действительно плохо.

Я не ответила сразу.

Вот за это я и ценила Тину: та умела сказать неприятное без желания победить. Не как взрослые, которые часто говорили «будь разумной», имея в виду «перестань мешать нам верить, что всё под контролем». Тина говорила ровно то, что видела.

— Ненавижу, когда ты права.

— Я редко настаиваю.

— От этого хуже.

Тобиас скрестил руки на груди.

— А я считаю, что если место начинается с браслетов, кураторов и зоны стабилизации, ему надо сразу не доверять.

— Наконец-то простая стратегия, — сказал Тимур. — «Не доверять месту». Запишем в устав.

— У нас нет устава, — сказала Лиза.

— Тогда это первый пункт.

— Устав должен быть утверждён.

— Лиза, — мягко сказал Тимур, — если ты продолжишь, я сделаю тебя председателем комиссии по уставу, и мы все погибнем от бюрократии раньше, чем от давления.

Я слушала их и неожиданно думала, что в первом корпусе эта перепалка показалась бы обычной. Сейчас каждая шутка была проверкой: живы ли мы ещё, можем ли разговаривать, не превращая каждую фразу в отчёт о травме.

Я посмотрела на Тимура.

Он заметил. Конечно заметил. У него был талант замечать чужую яму и не тыкать в неё палкой.

— Что? — спросил он тихо.

— Думаю, что ты слишком бодрый для человека, которого везут в бездну.

— Я не бодрый. Я декоративно паникую внутри.

— У тебя внутри есть декор?

— Там вообще много всего. Я сложная личность.

Я хотела съязвить, но вместо этого улыбнулась. Легко. Ненадолго.

Тимур тоже улыбнулся. Не победно, не слишком ярко. Просто так, будто увидел, что я на секунду выбралась из головы, и решил не делать из этого событие.

И именно поэтому стало чуть теплее.

Зик тем временем поднял руку, как на уроке, хотя урока не было.

— Я, возможно, нашёл причину, почему браслеты нельзя надевать до прибытия.

Все повернулись к нему.

— Ты не мог подождать, пока мы хотя бы начнём тонуть? — спросил Тобиас.

— Они калибруются по первому сильному магическому фону, — сказал Зик, игнорируя его. — Если активировать их на поверхности, они примут поверхностный фон за базовый. При спуске будет рассинхронизация. Возможно, поэтому браслет Тобиаса сейчас предлагает ему пить воду и дышать. Он не понимает, что владелец уже совершил ошибку эволюционного масштаба.

Тимур медленно повернулся к Тобиасу.

— Друг мой, ты не просто надел браслет. Ты испортил ему детство.

— Он сам попросился на руку, — буркнул Тобиас.

— Браслеты не просят, — сказала Лиза.

— Этот почти.

Я посмотрела на Тобиаса. Он сидел с таким видом, будто готов драться со всеми браслетами мира, если они ещё раз предложат ему дыхательное упражнение.

— Знаешь, — сказала я, — если Мариана начнёт нас классифицировать, тебя первым запишут как «сопротивление аксессуарам».

— Пусть попробуют.

— Не провоцируй их, — сказала Тина. — Они могут назвать это ценным поведенческим маркером.

Все замолчали на секунду.

Потом Тимур тихо сказал:

— Вот именно это я и ненавижу. Мы даже шутить не можем, чтобы не звучало правдоподобно.

Никто не ответил.

Я снова посмотрела в окно. Ангар за стеклом был полон людей, света и механизмов. Последнее место, где ещё можно было сделать вид, что они просто отправляются на необычную практику.

Где-то впереди, за закрытой дверью служебной секции, Рей говорил с пилотами. Или спорил с ними. Или уже взломал что-нибудь, потому что не доверял инструкциям. Кристиан, наверное, стоял рядом, идеально спокойный, идеально собранный, с копьём в руке.

Я вдруг подумала: он уже сидел в таком модуле.

Пять лет назад. Или почти пять. Второкурсник, наследник Ллойдов, слишком красивый для нормального подростка, слишком воспитанный, слишком гордый. Возможно, Александр провожал его иначе: без объятий, без «пиши про йогурты», без просьбы не быть удобным. Возможно, сказал: «Покажи достойный результат». И Кристиан показал. Так хорошо, что система запомнила.

Я сжала ремень безопасности.

Я не знала, что Мариана сделает со мной. Но уже начинала понимать: с некоторыми она давно закончила первый заход и теперь просто ждала, когда они вернуться.

И теперь просто ждала, когда они вернуться.

На экране тем временем появилась строка: «До начала спуска — три минуты».

Три минуты.

Я вдруг очень ясно почувствовала их вес. Три минуты до того, как поверхность перестанет быть местом, куда можно просто выйти. Три минуты до того, как весь воздух над ней станет водой, камнем, давлением, чужой системой. Три минуты до того, как слово «ниже» перестанет быть направлением и станет состоянием.

Я хотела написать маме. Потом отцу. Потом Ане что-нибудь нелепое, вроде «если я не отвечу, считай, что меня съела образовательная медуза». Но телефон уже перевели в транспортный режим, а руки почему-то не двигались.

Тимур, не глядя на меня, протянул маленькую карамельку в шуршащей обёртке.

— На случай, если бездна окажется невкусной.

Я взяла.

— У тебя в карманах карамельки?

— У меня в карманах стратегия выживания.

— Сладкая?

— Я работаю с тем, что есть.

Я развернула конфету и положила в рот. Сахар оказался неожиданно реальным. Почти наглым. Маленькое доказательство, что мир ещё не целиком принадлежит протоколам.

Кристиан вошёл последним. Не сел с ними. Его место было в передней служебной секции, рядом с Реем. Но перед тем как пройти, он остановился у моего кресла.

— Помни, — сказал он негромко. — Мариана слушает не слова. Реакции.

— А ты?

Он посмотрел на меня.

— Я слушаю, когда могу.

Это был странный ответ.

Почти честный.

Я не успела спросить больше. Рей позвал его.

Двери закрылись.

Модуль вздрогнул.

Где-то снаружи загудели механизмы. Ангар медленно отъехал вверх или вниз — я не сразу поняла. Потом за окном появилась вода.

Сначала светлая. Зеленовато-синяя. С пузырьками, лучами, движением. Почти красивая.

Кто-то из студентов в соседнем отсеке ахнул.

Модуль начал уходить глубже.

Свет исчезал постепенно. Как будто мир вынимал из себя цвета один за другим.

Синий стал темнее. Потом густым. Потом почти чёрным. За окном мелькали огни сопровождающих аппаратов, тонкие линии магической защиты, редкие светящиеся точки живых существ.

Я прижала ладонь к стеклу.

Стекло было холодным.

Рисунок на предплечье под рукавом ответил слабым теплом.

Я ждала, что море позовёт.

Как раньше. Шёпотом, сном, волной, именем. Я уже ненавидела этот зов, но привыкла к нему. Зов был страшным, но живым. В нём было движение.

Теперь не было ничего.

Чем глубже уходил модуль, тем тише становилось внутри.

Не в салоне — люди переговаривались, кто-то смеялся слишком громко, Тимур шепнул что-то про «туристический маршрут для самоубийц», Лиза одёрнула его. Звуки были.

Но под ними исчезало всё.

Море не пело.

Не звало.

Не шептало её имя.

Наоборот.

Я почувствовала, как тишина поднимается из глубины навстречу модулю. Плотная, чёрная, невозможная. Она не была пустотой. Она была чем-то большим, чем звук. Такой тишиной, будто кто-то огромный приложил ладонь к миру и сказал: молчи.

Я перестала дышать.

— Кан? — тихо спросил Тимур.

Я моргнула.

— Всё нормально.

— Когда ты говоришь «всё нормально» таким голосом, мне хочется начать писать завещание.

— Не начинай. Лиза проверит оформление.

Лиза подняла глаза.

— Проверю.

Тимур кивнул.

— Видишь? Командная работа.

Я попыталась улыбнуться.

Не получилось.

За стеклом была чёрная вода.

Не остров. Не купол. Не волны.

Вниз уходил мир, где свет был гостем, звук — нарушением, а давление — законом.

И где-то далеко в этой тишине, такой плотной, будто она могла лечь на кожу, я вдруг поняла: второй курс действительно начинается.

И самое неприятное было в том, что это «ниже» не заканчивалось глубиной. Оно начиналось внутри — там, где прежняя Кира ещё надеялась, что после первой катастрофы мир обязан сделать паузу. Мир, конечно, паузу не сделал. Разумеется, нет.

Глава 2. Мариана

Первое, что я поняла о глубине: она не была тёмной.

Точнее, она была темнее всего, что я видела раньше. Темнее ночи на острове, темнее подвала под Бермудским корпусом, темнее стекла в тихих комнатах, когда за ним гасли чужие силуэты. Но в этой темноте всё равно жили огни.

Они появлялись за окнами модуля редкими точками: синими, зелёными, белыми, иногда такими холодными, что казались не светом, а воспоминанием света. Медузы, похожие на прозрачные зонтики с нервной системой из молний. Длинные рыбы с тонкими светящимися нитями у пасти. Мелкие существа, вспыхивающие и тут же исчезающие, будто кто-то щёлкал искрами в воде.

— Красиво.

— Ужасно, — сказал Тобиас.

— Это не взаимоисключающие категории, — заметила Тина.

Я сидела у стекла и не спорила ни с кем. Потому что все трое были правы.

Модуль уходил вниз уже почти час. Сначала экран показывал глубину цифрами, но после отметки в четыре тысячи метров я перестала смотреть. Цифры только мешали. Они делали бездну слишком учебной. Три тысячи, пять тысяч, семь тысяч — будто речь шла о страницах в учебнике, а не о том, сколько воды лежит у тебя над головой.

Где-то после семи тысяч уши перестало закладывать. Не потому что давление исчезло, а потому что защитные контуры модуля окончательно вступили в работу. Воздух внутри стал ровным, прохладным, чуть металлическим. Салон подсвечивался мягким синим светом. На стенах время от времени вспыхивали тонкие линии, проверяя состояние пассажиров.

— Если эта штука ещё раз просканирует мою левую коленку, я начну брать плату, — пробормотал Тимур.

— Она проверяет реакцию суставов на компенсацию давления, — сказал Зик.

— Ты умеешь убить даже претензию к коленке.

— Зато теперь ты знаешь, что у претензии есть основание.

Лиза сидела с планшетом на коленях, но не писала. Это само по себе было тревожным знаком. Если Лиза не записывала, значит, происходящее было либо слишком важным, либо слишком красивым, либо слишком страшным. Иногда всё сразу.

Я осторожно повернула руку. Рукав чуть задрался, и я увидела тонкие линии на предплечье. Рисунок светился слабо, но ровно. Не вспышками, как в Бермудском корпусе. Не тревожно. Скорее настороженно.

Как животное, которое услышало хищника раньше хозяина.

— Болит? — тихо спросил Тимур.

Я покачала головой.

— Нет. Просто... слушает.

— Рука?

— Дар. Или море. Или моя внутренняя коллекция проблем. Я пока не разобралась, как правильно представлять гостей.

Тимур посмотрел на руку без того жадного интереса, который я уже успела возненавидеть у некоторых взрослых. Не как на чудо. Не как на угрозу. Просто как на часть меня, которая могла доставлять боль.

— Если начнёт слушать слишком громко, скажи.

— Что ты сделаешь?

— Буду отвлекать. У меня это отлично получается.

— Это правда, — сказала Лиза, не поднимая глаз.

— Спасибо, кажется.

Салон дрогнул.

Не резко. Но достаточно, чтобы разговоры стихли.

Экран в передней части отсека сменил схему. Появилась вертикальная линия, уходящая вниз. На ней загорелась точка: «Внешняя зона корпуса “Мариана”. Подготовка к стыковке».

Я прижала ладонь к стеклу ещё сильнее.

Сначала я увидела только черноту.

Потом — огни.

Они возникли в глубине не как город на горизонте, а как созвездие, прикреплённое к стене мира. Синие вертикали. Горизонтальные мосты. Огромные кольца света. Медленные мигающие сигналы. Стекланные цилиндры, в которых двигались тени людей и механизмов. Металлические конструкции, уходящие в скалу.

Мариана не стояла на дне.

Она росла из стены впадины.

Вертикальная станция была встроена в чёрную каменную толщу, как если бы кто-то взял научный институт, военную базу, храм и лифт в ад, а потом аккуратно закрепил всё это на отвесной скале под километрами воды. Башни не поднимались вверх — они спускались вниз. Стекланные шахты тянулись в темноту. Мосты, галереи и шлюзы соединяли цилиндрические модули. Некоторые уровни сияли ярко, почти больнично. Другие едва светились, как глаза спящего существа.

За станцией, ниже, в пропасти мерцал слабый синий туман.

Не свет.

Ожидание света.

— Вот это... — начал Тимур и замолчал.

— Да.

— Я ещё ничего не сказал.

— Всё равно да.

Да. Это было красиво.

Да. Это было страшно.

Да. Это была школа, которой не должно быть.

Да. Они всё равно туда спускались.

Модуль повернул к стыковочному кольцу. За окном проплыла наружная платформа с закреплёнными аппаратами. Маленькие подводные дроны скользили вокруг, как металлические рыбы. На дальней стене мигали огни шлюзов. Сквозь стекло одного из цилиндров я увидела лабораторию: столы, экраны, люди в тёмной форме, светящиеся схемы в воздухе.

Кто-то за стеклом поднял голову, когда модуль проходил мимо.

Я не могла видеть лица, но всё равно почувствовала: смотрят не на транспорт.

На них.

— Добро пожаловать в аквариум, — тихо сказал Тимур.

— Аквариум смотрит в ответ, — ответила я.

Модуль вошёл в стыковочное кольцо с низким гулом. Снаружи сомкнулись металлические захваты. По корпусу прошла вибрация. Свет в салоне мигнул.

На экране появилась строка: «Герметизация завершена. Адаптационный шлюз открыт».

Двери открылись не сразу. Сначала воздух в салоне стал чуть тяжелее. Потом мягкий голос сообщил о переходе на внутренний контур давления Марианы. Потом студентов попросили оставаться на местах до команды сопровождающего.

— Если голос ещё раз скажет “адаптационный”, я адаптируюсь к насилию, — сказал Тобиас.

— Тебе это тоже запишут в профиль, — сказала Тина.

— Пусть пишут разборчиво.

Двери наконец раскрылись.

Внутри шлюза нас встретили люди в чёрно-серой форме. Не преподаватели. Не охрана в обычном смысле. Скорее сотрудники, которые могли одновременно показать дорогу, зафиксировать нарушение и, если потребуется, закрыть гермодверь перед твоим носом без тени сомнения.

Я вышла из модуля и сразу почувствовала разницу.

Воздух Марианы был сухим и холодным, но пах водой. Не солью, как на поверхности, а металлом, озоном и чем-то глубоким, минеральным. Под ногами был тёмный пол с тонкими

светящимися линиями. Стены — стекло, металл, матовые панели. Везде — вертикальные указатели. Вверх. Вниз. Сектора. Лифты. Шлюзы.

Ни одного лишнего предмета.

Ни одной случайности.

Я ненавидела, когда пространство выглядело так, будто всё уже решило за тебя.

— Студенты второго курса, группа шесть, — произнесла женщина у стойки. — Проходите на первичную отметку. Багаж будет доставлен в жилой сектор после сканирования.

— После чего? — переспросил Тобиас.

Женщина посмотрела на него.

— После сканирования.

— А если я не хочу, чтобы мои вещи сканировали?

— Тогда они не будут допущены в жилой сектор.

— Прекрасно, — сказал Тимур. — Первый выбор дня: приватность или трусы.

Лиза тихо выдохнула сквозь нос.

— Тимур.

— Что? Я формулирую проблему доступно.

Я почти улыбнулась, но моё внимание отвлекло движение впереди.

Рей стоял у выхода из шлюза и разговаривал с высоким худощавым мужчиной в тёмном кителе. Я узнала его сразу — доктор Велес из вводного ролика. Вживую он выглядел менее рекламно, но не менее гладко: ровная осанка, аккуратные жесты, внимательная улыбка человека, который умеет слушать так, чтобы собеседник сам начал оправдываться. Перед ответом он чуть выравнивал манжету большим пальцем — жест на миллиметр, почти незаметный. Именно поэтому я его заметила.

Кристиан стоял рядом с Реем. Копья в руках не было. Я заметила это сразу и тут же увидела тёмный вертикальный контейнер у стены. На нём горел знак артефактной изоляции.

Мой желудок неприятно сжался.

Кристиан стоял без копья слишком прямо.

Почти пусто.

Рей заметил мой взгляд.

— Временная транспортная фиксация, — сказал он, не повышая голоса. — Не диагностика.

— Я ничего не спрашивала.

— Ты спросила лицом.

— Надо будет научиться носить менее разговорчивое лицо.

— В Мариане это считают одним из базовых навыков.

Кристиан посмотрел на меня. Взгляд был спокойный, но вокруг глаз залегла тень. Я вдруг подумала, что он не просто вернулся в место, где учился. Он вернулся туда без той части себя, которую привык держать в руке.

И это место сразу забрало её в контейнер.

Доктор Велес повернулся к студентам.

— Добро пожаловать в корпус “Мариана”, — сказал он. Голос был тем же, что в ролике: мягким, уверенным, выверенным. — Я доктор Аркадий Велес, координатор вводного этапа. В ближайшие семьдесят два часа вы пройдёте привыкание к глубинному контуру, первичную диагностику и распределение по научным кураторам. Второй курс — важнейший этап вашего обучения. Здесь вы получите не только контроль над даром, но и понимание его природы.

— Он слово в слово, — прошептал Тимур.

— Тише, — сказала Лиза.

— Я боюсь, что если он продолжит, у меня начнётся рекламная аллергия.

Доктор Велес говорил дальше.

— Корпус “Мариана” — безопасная исследовательская среда. Все процедуры проводятся с учётом индивидуального профиля студента. Ваше состояние будет отслеживаться браслетами-модулями, которые вы получите и активируете после первичного инструктажа. Браслет не является средством ограничения свободы. Это инструмент заботы, связи и своевременной помощи.

Я почувствовала, как губы сами хотят изобразить что-то неприлично саркастическое.

Кристиан, стоящий у стены, едва заметно покачал головой.

Не шути в протоколе.

Я мысленно показала ему язык. Лицом — нет. Училась, как могла.

Доктор Велес между тем перешёл к правилам: не покидать первичный сектор без сопровождающего, не активировать личные артефакты, не использовать дар вне учебных зон, не приближаться к внешним шлюзам, не входить в лифты с красной маркировкой, не касаться стеклянных секций во время смены давления, не вступать в контакт с внешней фауной.

— Внешней фауной, — повторил Тимур шёпотом. — То есть если светящаяся рыба попросит мой номер, я должен отказать.

Я открыла рот, чтобы сказать: «особенно если попросит вежливо».

Кристиан услышал это, кажется, ещё до того, как я успела вдохнуть. Его взгляд стал чуть тяжелее.

Я закрыла рот.

Мариана: один. Я: пока держусь.

После инструктажа нас провели через широкий коридор.

И вот здесь Мариана ударила по-настоящему.

Шлюз был функциональным. Коридор — уже нет.

Он открывался в огромный атриум, который уходил вверх и вниз одновременно. Я остановилась на пороге.

Под прозрачным полом виднелись нижние уровни: мосты, лифтовые шахты, синие огни, маленькие движущиеся фигуры. Над головой — стеклянный купол, за которым была не поверхность, а чёрная вода. Вдоль стен тянулись лаборатории с панорамными окнами. В центре висела вертикальная колонна света — не лампа, а магический интерфейс, многослойная схема, постоянно меняющаяся, как дыхание станции.

Вокруг двигались люди: исследователи, техники, маги, охрана, ассистенты. Никто не бежал. Никто не суетился. Всё текло по маршрутам. Как кровь по сосудам.

Мариана была живая.

И слишком хорошо знала, куда течёт каждая капля.

— Это... — Лиза за моей спиной выдохнула. — Это невероятно.

— Угу, — сказал Тобиас. — И если тут погаснет свет, мы все умрём очень эстетично.

— Не все системы завязаны на свет, — сказал Зик, но звучал неуверенно. — Здесь должны быть резервные контуры. Очень много резервных контуров.

— “Должны” — моё новое нелюбимое слово, — сказала я.

Лиза подняла планшет, но потом опустила.

— Я не знаю, как это записать.

Тина смотрела вверх, на чёрную воду над стеклом.

— Не записывай. Иногда сначала надо посмотреть.

Я посмотрела.

За стеклом проплыла медуза. Огромная, почти прозрачная, с тонкими голубыми нитями. Она скользнула над атриумом, и на секунду её тень прошла по лицам студентов, как чья-то мягкая рука.

Я ждала зова.

Опять.

Ничего.

Тишина здесь была ещё плотнее. Не отсутствие звука — станция гудела, люди говорили, где-то звякали лифты, интерфейс тихо пульсировал. Но под всем этим лежал слой молчания. Глубинный. Неподвижный. Такой, будто Мариана построила свои стены не вокруг воды, а вокруг этого молчания.

— Кан, — тихо сказал Тимур. — Ты опять ушла.

— Я здесь.

— Физически да. Морально ты уже составила завещание и оскорбила три архитектурных решения.

— Пять.

— Вот. Возвращаешься.

Я выдохнула.

И почти сразу на запястье почувствовала холод.

Сотрудница в чёрной форме подошла к группе.

— Браслеты-модули, — сказала она. — Надеть на левое запястье. Не активировать до команды.

— А если мы уже активировали? — спросил Тобиас, и вся группа повернулась к нему. Сотрудница посмотрела на его руку.
Браслет на запястье Тобиаса мигнул жалобным голубым.
— Вы активировали модуль до прибытия?
— Он сам.
— Браслет не может сам.
— Вот и я так думал.
Лиза закрыла глаза.
Сотрудница сделала пометку в планшете.

— Ваш модуль будет перекалиброван. Отметка о несвоевременной активации внесена в первичный профиль.
— Уже? — не выдержала я.
Сотрудница посмотрела на меня.
Я тут же вспомнила Кристиана. Не шути. Не спорь. Не злись.
— В смысле, как оперативно, — сказала я с самой невинной интонацией, на которую была способна.
Тимур издал звук, подозрительно похожий на подавленный кашель.
Я взяла свой браслет. Он был лёгкий и неприятно тёплый. Как будто его уже держали. На секунду мне захотелось бросить его в ближайший шлюз.
Вместо этого я надела.
Браслет сомкнулся мягко. Без щелчка. Без ощущения замка.
От этого стало хуже.
На внутренней стороне запястья вспыхнула тонкая линия. Потом погасла. Рисунок на предплечье под рукавом ответил короткой волной света.
Сотрудница замерла.
— Ваш артефактный рисунок активен?
— Он не артефактный, — сказала я.
— Отметка: нестандартная реакция на модуль.
— Я даже ничего не сделала.

— Именно, — сказала сотрудница и снова что-то отметила.

Я медленно вдохнула.

Мариана, судя по всему, умела раздражать профессионально.

И только начинала.

Прежде чем вести нас в зал первичной проверки, доктор Велес решил показать маршрут первого дня.

Разумеется, не потому, что студентам нужно было хоть немного прийти в себя после вида города, ввинченного в стену бездны. Нет. По протоколу.

В Мариане всё происходило по протоколу.

И это раздражало сильнее, чем хаос.

Хаос хотя бы признавался, что он хаос. Протокол улыбался, выдавал маршрутную карту и называл себя заботой.

— В течение первых суток вы не покидаете первичный сектор, — говорил Велес, пока мы шли по прозрачной галерее вдоль внешнего стекла. — Ваши комнаты, столовая, первичные лаборатории и зона отдыха находятся на одном контуре давления. Это снижает нагрузку на организм и дар.

— Как мило, — прошептал Тимур. — Они волнуются, чтобы нас не раздавило раньше расписания.

Я не ответила, потому что смотрела наружу.

За стеклом была не вода, а ночь, которая научилась двигаться. Толстые слои чёрного пространства. Вдалеке — огни других модулей. Совсем далеко — тонкие вертикальные линии шахт. Медузы поднимались и опускались вдоль стены впадины, как мысли, которым не дали стать словами.

Стекло было таким толстым, что даже смотреть через него было странно. Оно не просто отделяло от океана. Оно напоминало: между тобой и смертью есть материал, расчёты, магические контуры и чья-то уверенность, что всё это выдержит.

Я не любила зависеть от уверенности людей, которых не знала.

Галерея вывела нас к жилому сектору. Двери открылись беззвучно. Внутри — длинный коридор, тёмный пол, матовые стены, мягкие синие линии у пола. Никаких ковров. Никаких декоративных растений. Никаких странных картин, которые могли бы сделать место хоть немного похожим на общежитие.

— Каждая группа размещается в блоке из спальных комнат и общей зоны, — сообщил Велес. — Комнаты индивидуальные. После прошлого года были внесены изменения в политику психологической безопасности.

Я почувствовала, как рядом напряглась Лиза.

После прошлого года.

Так теперь называли нашу травму в архитектуре.

— То есть теперь нас не селят в общие комнаты, потому что кто-то наконец понял, что дети после катастрофы могут хотеть закрыть дверь? — тихо спросила я.

— Возможно, — ответила Тина. — Но ещё это удобнее для наблюдения.

Я посмотрела на неё.

— Ты умеешь превращать хорошие новости в правдоподобные угрозы.

— Я не специально.

— Именно поэтому эффективно.

Общая зона группы шесть оказалась неожиданно приличной: круглый стол, мягкие кресла, стена-экран, небольшой кухонный блок, панорамное окно, за которым чернела вода. На столе уже лежали пакеты с их именами. Не подарочные. Инструкционные.

Тимур поднял свой пакет двумя пальцами.

— Если внутри брошюра “Как перестать бояться глубины за три простых шага”, я уйду в медузы.

Лиза открыла свой.

— Расписание.

— Хуже.

Я тоже взяла пакет. Внутри лежали карта первичного сектора, временный пропуск, перечень правил, список запрещённых зон и маленькая карточка с надписью: «Ваш научный куратор будет назначен после первичной диагностики».

На обороте — пустая строка: «Область интереса».

Я уставилась на неё.

— Область интереса, — прочитала я вслух. — Как будто я кружок выбираю.

— Может, туда надо писать, что тебя интересует, — сказал Тимур. — Например: “не стать экспериментом”.

— Слишком длинно. Напишу: “выживание”.

— Универсально.

Зик рассматривал карту так внимательно, будто пытался сразу найти места, которых на ней нет.

— Здесь странная нумерация уровней, — сказал он.

— Зик, мы только вошли.

— Именно. На официальных схемах обычно не видны противоречия так быстро. Смотрите: жилой сектор помечен как А-3, адаптационные лаборатории — А-4, столовая — А-2. Но лифтовая шахта уходит ниже до А-9, а дальше указан “служебный переход” без номера. Так не делают, если система проектировалась линейно.

— Перевожу для тех, кто хочет прожить счастливую жизнь без схем, — сказал Тимур. — Зик нашёл подозрительный лифт.

— Я не говорил “подозрительный”.

— Но хотел.

Зик не стал отрицать.

Я подошла к окну. Снаружи в воде висели крошечные огни. Сначала я подумала, что это существа. Потом поняла: часть огней двигалась слишком ровно. Дроны. Наблюдатели. Маленькие глаза станции.

За нашей общей зоной тоже кто-то смотрел.

Не обязательно злонамеренно.

Вот это и было неприятно.

— Здесь красиво, — сообщила я, осторожно касаясь стекла пальцами.

— Не трогать внешние стеклянные секции во время смены давления, — автоматически произнесла Лиза.

Я сразу отдернула руку.

— Сейчас смены нет, — сказал Тимур. — Но Лиза уже интегрировалась в систему и готова заменить голосовые оповещения.

Лиза покраснела.

— Я просто запомнила правило.

— Мы любим тебя именно за это. И боимся.

Доктор Велес дал нам десять минут. Десять минут, чтобы оставить лишние вещи, осмотреть комнаты, выпить воды и “привести эмоциональный фон к базовому уровню”.

Я чуть не спросила, где именно у меня хранится базовый уровень и можно ли заказать новый, потому что старый, кажется, остался в первом классе обычной школы. Но Кристиан стоял в коридоре у входа в блок, и я прямо кожей почувствовала его предупреждение.

Не шути в протоколе.

Я пошла в свою комнату.

Комната была небольшой, но не клеткой. Узкая кровать, стол, шкаф, санитарный блок, окно во внешнюю темноту. На столе — встроенная панель связи. На стене — мягкая линия света. Всё чисто, дорого, функционально. Нигде не было ничего лишнего. Даже пыли.

Я поставила сумку на кровать.

Плюшевая акула выглянула из бокового кармана с видом существа, которое явно не подписывалось на глубоководную исследовательскую практику.

— Не смотри на меня так, — сказала ей я. — Ты сама решила быть эмоциональной поддержкой.

Акула молчала. У неё были сильные позиции в переговорах.

Я подошла к окну.

За стеклом — вода. Не пейзаж. Не вид. Среда. То, что было везде. Я попробовала представить, что открою окно, и сразу отступила на шаг. Глупая мысль. Невозможная. Но тело отреагировало раньше разума.

На подоконнике лежала тонкая полоска металла.

Я нахмурилась. Взяла.

Это был не предмет Марианы. Отец дал мне аварийный артефакт, и он сейчас лежал в кармане сумки. Этот металл был другой: маленькая пластина с едва заметным знаком волны, перечёркнутой вертикальной линией.

Я не успела понять, что это, потому что за дверью постучали.

Я быстро спрятала пластину в карман куртки.

— Да?

Вошёл Кристиан.

Один.

Без копья.

От этого комната сразу стала меньше.

— Я не знал, что тебя поселят сюда, — сказал он.

— Утешительно. А то я уже подумала, что ты начал оставлять загадочные металлические сюрпризы на подоконниках.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Что?

Я замерла.

Ошибка.

— Ничего.

— Кира.

Я достала пластину.

Кристиан взял её, и лицо у него почти не изменилось. Почти.

Но я уже научилась читать это “почти”.

— Что это? — спросила я.

— Метка старого внутреннего допуска.

— Старого — это насколько старого?

— До моего второго курса.

— Прекрасно. А почему она на моём подоконнике?

Кристиан провёл пальцем по знаку.

— Не знаю.

— Ты говоришь “не знаю” так, будто знаешь достаточно, чтобы не радоваться.

— Это знак технического перехода, которого не должно быть в жилом секторе.

— Конечно. Я только приехала, а у меня уже в комнате предмет, которого не должно быть. Быстро работаю.

Я вернула пластину.

— Никому не показывай пока. Даже Рею.

— Даже Рею?

— Сначала я должен понять, к какому уровню она относится.

— Ты забываешь, что “никому не показывай” после первого курса звучит как начало плохого решения.

Он встретил мой взгляд.

— Не забываю.

Между нами повисла тишина. Не глубинная. Наша собственная. Та, в которой было слишком много того, что мы не проговорили после Бермудского корпуса.

— Ты в порядке? — спросила я.

Кристиан чуть усмехнулся. Без радости.

— Мы уже в Мариане. Здесь это вопрос с подвохом.

— Тогда сформулирую иначе. Тебе плохо?

— Не больше, чем ожидалось.

— Это отвратительный ответ.

— У меня есть хуже.

— Верю.

Он посмотрел в окно, на чёрную воду.

— Я думал, когда вернусь сюда, будет проще. Потому что я уже знаю маршруты, уровни, правила. А оказалось, тело помнит быстрее головы.

— Что именно?

Кристиан молчал так долго, что я почти решила, что он не ответит.

— Что здесь лучше быть удобным, — сказал он наконец.

У меня сжалось горло.

— А ты не будь.

— Очень простая рекомендация.

— Я вообще полна простых рекомендаций. Не становись инструментом. Не слушай отца. Не позволяй станции делать вид, что она умнее твоего страха. Не умирай. Могу оформить списком.

На этот раз он почти улыбнулся.

— Оформи. Лиза проверит.

Я тоже почти улыбнулась.

В коридоре прозвучал сигнал сбора.

Кристиан сразу стал ровнее. Не сильнее. Не спокойнее. Именно ровнее — как поверхность, которую пригладили ладонью.

Я это увидела и возненавидела Мариану ещё чуть-чуть.

— Пойдём, — сказал он.

— В зал первичной проверки?

— Да.

— Где мне активируют браслет и назовут чем-нибудь оскорбительно научным?

— Скорее всего.

— Отлично. Люблю, когда день держит темп.

Мы вышли в коридор. Кристиан шёл на полшага впереди, как проводник. Я — рядом, как человек, который не собирался признавать, что мне нужен проводник.

Но когда мы вернулись в общую зону, Тимур посмотрел на меня и сразу понял, что что-то случилось.

Он ничего не спросил.

Просто встал рядом.

И я впервые за всё время в Мариане почувствовала не наблюдение.
Присутствие.

После активации браслетов нас провели в зону первичного сканирования. Не в лабораторию — нет, слово “лаборатория” было бы слишком честным. Это называлось «зал первичной проверки». Просторная комната с полукруглыми креслами, прозрачными экранами и мягким синим светом. В стене — огромное окно в чёрную воду. За ним что-то светилось и двигалось, но слишком далеко, чтобы понять форму.

Каждого студента просили по очереди встать на круг в полу. Свет поднимался снизу, браслет мигал, экран выдавал краткий профиль: имя, группа, основной дар, уровень допуска, дополнительные отметки.

Лиза первой прошла сканирование. Экран отобразил:

ЛИЗА ВОРОНЦОВА.

ВТОРОЙ КУРС. ГРУППА ШЕСТЬ.

ПРОФИЛЬ: ФИКСАЦИЯ / ИМЕННОЙ КОНТУР / ДОКУМЕНТАЦИОННАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ.

ДОПУСК: БАЗОВЫЙ РАСШИРЕННЫЙ.

— Документационная устойчивость, — прошептал Тимур. — Лиза, тебя признали канцелярским ботом.

— Это не смешно, — сказала Лиза, но глаза у неё блеснули.

Тимур прошёл следом.

ТИМУР САФИН.

ВТОРОЙ КУРС. ГРУППА ШЕСТЬ.

ПРОФИЛЬ: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ / ГРУППОВОЙ РЕЗОНАНС.

ДОПУСК: БАЗОВЫЙ.

Тимур застыл.

— Простите, — сказал он, — эмоциональная что?

Сотрудник у панели даже не поднял головы.

— Базовое определение предварительного профиля. Уточняется куратором.

— Я думал, мой профиль — плохие шутки и выживание на харизме.

— Возможно, это и есть проявление, — сказал Зик.

— Зик, я сейчас не готов к тому, что ты научно объяснишь мою личность.

Я смотрела на строку «групповой резонанс» и чувствовала неприятное узнавание. Вот так начиналось. С красивого названия. С аккуратного определения. С того, что живого человека превращали в полезную функцию.

Тимур поймал мой взгляд.

И улыбнулся.

Не так широко, как обычно. Чуть напряжённо.

Мол, всё нормально.

Я не поверила.

Тина получила профиль «границы влияния / эмоционально-ментальная чувствительность». Тобиас — «силовая реакция / защитный импульс / высокая первичная отдача». Зик — «системный анализ / техномагическая восприимчивость / повышенная когнитивная нагрузка».

— Повышенная когнитивная нагрузка, — сказал Тимур. — Зик, твой мозг официально страдает от самого себя.

— Это не новость, — сказал Зик, бледный, но почти довольный.

Потом настала моя очередь.

Я встала на круг.

Свет поднялся снизу. Браслет на запястье стал холодным. Рисунок на предплечье вспыхнул под рукавом, и ткань на секунду стала прозрачной от света.

В зале стало тише.
Я почувствовала взгляды. Сотрудников. Студентов. Группы. Рея у двери. Кристиана, стоящего чуть позади него.
Экран моргнул.
Появилась первая строка:
КИРА КАН
Потом задержка.
Слишком длинная.
Вторая строка:
ВТОРОЙ КУРС. ГРУППА ШЕСТЬ.
Снова задержка.
Браслет на руке нагрелся.
Экран вспыхнул и выдал:
ПРОФИЛЬ: НЕСТАНДАРТНЫЙ БЕРЕГОВОЙ КОНТУР.
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ: ПОЗДНЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ / СИРЕННЫЙ СЛЕД /
РЕАКЦИЯ НА ХОРОВОЙ КОНТУР / НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННАЯ ГЛУБИННАЯ ЧУВ-
СТВИТЕЛЬНОСТЬ.
ДОПУСК: РАСШИРЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ.
Я смотрела на экран.
Не студентка.
Не девочка.
Не Кира.
Нестандартный береговой контур.
Расширенное наблюдение.
Вот так быстро человек становился строкой.
— Ну, — сказала я в полной тишине, — хотя бы “неидентифицированная” звучит зага-
дочно. Всегда мечтала быть проблемой, которую не успели нормально назвать.
Никто не засмеялся.
Даже Тимур.

Доктор Велес подошёл ближе. Не слишком близко — на расстояние, которое вежливые люди считали уважительным, а люди с опытом Бермудского корпуса — расчётливым.

— Кира, твой профиль действительно требует расширенного внимания, — сказал он. — Это не наказание и не ограничение. Мы обязаны учитывать обстоятельства позднего пробуждения, контакт с сиренным контуром и участие в событиях прошлого года.

— Участие, — повторила я. — Как будто я записалась на кружок.

Велес не моргнул. Только большой палец снова скользнул по краю манжеты: миллиметр вправо, миллиметр обратно. Он отметил реакцию так аккуратно, что почти сделал вид, будто ничего не произошло.

— Я понимаю, что формулировки могут казаться холодными.

— Нет, что вы. “Сиренный след” звучит очень уютно. Почти как название духов.

Тимур за моей спиной тихо вдохнул, будто собирался рассмеяться и умереть одновременно.

Кристиан у двери не двигался. Но я знала: он сейчас мысленно пишет мне на лбу большими буквами «НЕ ШУТИ».

Поздно.

Велес не повысил голос.

— Ирония — естественная защитная реакция, — сказал он.

Вот.

Вот как это работало.

Ты говоришь фразу, а они забирают у неё зубы, кладут на стекло и подписывают: защитная реакция.

Я почувствовала, как злость поднимается к горлу.

Браслет на запястье мигнул.

На ближайшем экране появилась маленькая строка:

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ВСПЛЕСК. УРОВЕНЬ НИЗКИЙ.

— Ой, — сказал Тимур. — Он ябеда.

— Ваш браслет не оценивает вас, — сказал Велес.

— Правда? А выглядит как маленький доносчик.

— Он фиксирует изменения состояния, чтобы куратор мог вовремя предложить помощь.

— В таком случае передайте моему будущему куратору, что помощь можно начать с удаления доносчика.

На этот раз Велес посмотрел уже не только на меня. На Рея.

Рей стоял у двери, скрестив руки на груди, и с таким выражением наблюдал за сценой, будто давно хотел проверить, сколько секунд понадобится Мариане, чтобы начать раздражать меня официально.

— Профессор Рей, — сказал Велес, — возможно, студентке Кан потребуется предварительная беседа до распределения.

— Разумеется, — ответил Рей. — С человеком или с браслетом?

Велес выдержал паузу.

— С научным сотрудником.

— Хорошо. Научному сотруднику стоит начать с того, что Кира после прошлого года не любит, когда её реакцию классифицируют раньше, чем ей отвечают.

В зале стало ещё тише.

Я почувствовала почти неприличное удовольствие.

Рей был взрослым. Это плохо.

Но иногда он был взрослым, который умел направить нож не в ребёнка, а в систему.

Велес улыбнулся. Тонко.

— Именно для этого и существуют кураторы. Чтобы переводить индивидуальные реакции в безопасный образовательный процесс.

— Формулировка записана, — сказала Лиза автоматически.

Все посмотрели на неё.

Лиза покраснела, но планшет подняла.

— Что? Он действительно это сказал.

— Лиза, — прошептал Тимур, — ты наше страшное оружие.

Велес сделал вид, что его не смутила студентка, документирующая его собственную гладкость.

Я шагнула с круга. Браслет снова мигнул, но экран уже погас. Мне хотелось сорвать его. Очень хотелось. Но это было бы слишком красиво, слишком предсказуемо и слишком удобно для строки «импульсивное сопротивление адаптационному модулю».

Я не сорвала.

Просто опустила рукав ниже.

Тимур сразу оказался рядом.

— Нестандартный береговой контур, — сказал он тихо. — Звучит как группа, которую слушают только очень печальные люди в чёрном.

— Я уже ненавижу название.

— Можно переименовать. Например, “Кира и административные кошмары”.

— Слишком документально.

— “Кира и бездна, которая не попросила разрешения”.

Я посмотрела на него.

— Это уже лучше.

Он улыбнулся.

— Я стараюсь.

Кристиан подошёл не сразу. Сначала дождался, пока Велес отвернётся к следующей группе. Потом встал рядом со мной так, чтобы не закрывать меня от остальных, но перекрыть прямой взгляд сотрудников у панели.

— Ты справилась, — сказал он.

— Я чуть не сказала научному координатору, что его браслет ябеда.

— Ты сказала.

— Значит, справилась плохо.

— Ты не сняла браслет.

— Планка низкая.

— В Мариане иногда это уже победа.

Я посмотрела на него.

— У тебя тоже была такая строка?

— Какая?

— Не “студент”. Что-то вместо тебя.

Он ответил не сразу.

— У меня было: “стабилизационная совместимость”.

Я почувствовала, как всё внутри неприятно опустилось вниз.

Стабилизационная совместимость.

Даже не человек, который умеет держаться. Не мальчик, которому страшно. Не сын, которого отец учит быть идеальным.

Совместимость.

— Звучит как деталь, — сказала я.

— Так и было задумано.

Я хотела что-то сказать. Что-то хорошее. Что-то, что не будет жалостью, потому что Кристиан на жалость реагировал, как глубоководная станция на трещину в стекле: сразу закрывал все шлюзы.

Но в этот момент свет в адаптационном зале мигнул.

Не сильно. Раз.

И тишина под гулом станции вдруг стала плотнее.

Я обернулась к окну.

За стеклом что-то двигалось.

Сначала я решила, что это медуза. Большая, слишком тёмная, с длинными нитями. Потом поняла: нет. Форма была не такой. Она не плыла. Она будто висела в воде вертикально и поворачивалась очень медленно, как огромная мысль, которой стало интересно.

Существо — если это было существо — не имело лица.

Но я почувствовала взгляд.

Не зов.

Не песню.

Не просьбу.

Внимание.

Браслет на запястье стал ледяным.

На экране рядом с окном сам собой вспыхнул символ: круг, перечёркнутый вертикальной линией.

Тот же знак, что на пластине в моей комнате.

Кристиан увидел.

Рей тоже.

Доктор Велес обернулся последним.

— Технический сбой, — сказал он слишком быстро.

Я не отводила взгляд от тёмной формы за стеклом.

— Конечно, — сказала я тихо. — В этой школе всё самое живое сначала называют сбоем.

А потом в глубине, за огромным окном зала первичной проверки, тень очень медленно повернулась к свету.

И я впервые поняла: Мариана смотрит не только через людей.

Глава 3. Кураторы

После тени за стеклом Мариана сделала то, что лучше всего умели все хорошо организованные системы.

Она продолжила по расписанию.

Свет в адаптационном зале мигнул ещё раз, потом стабилизировался. Сотрудники у панелей заговорили тише и быстрее. Доктор Велес произнёс несколько фраз в коммуникатор, в которых я услышала слова «визуальная аномалия», «внешний биоконтур» и «не подтверждено». Рей молчал. Кристиан тоже.

Это молчание было куда информативнее любых объяснений.

Тень за стеклом исчезла не сразу. Она просто ушла глубже, растворилась в чёрной воде, будто её там и не было. Но знак на экране — круг, перечёркнутый вертикальной линией — держался ещё три секунды. Я считала. Раз. Два. Три.

Потом экран погас.

— Технический сбой, — повторил Велес уже для всех. — Внешние датчики иногда дают перекрёстные отражения при прохождении крупных биологических объектов. Опасности для студентов нет.

Я почти услышала, как мама где-то на поверхности открывает блокнот и пишет: «Технический сбой — проверить».

— Конечно, — сказал Тимур. — У нас тут крупная биологическая медуза нарисовала древний знак. Бывает.

Лиза толкнула его локтем.

— Тихо.

— Я тихо. Я очень тихо паникую.

— Студенты, — продолжил Велес, — первичная отметка завершена. До распределения по кураторам вы возвращаетесь в жилой сектор. В девятнадцать ноль-ноль — ужин. В двадцать ноль-ноль — вводный семинар по правилам диагностики. Завтра с восьми утра начнутся индивидуальные собеседования.

— У нас даже паника по расписанию, — пробормотала я.

Браслет на моём запястье мигнул.

Я посмотрела на него.

— Не начинай. Я ещё не сказала ничего достойного записи.

Браслет, естественно, не ответил. Но я уже не сомневалась: если бы мог, ответил бы формулировкой из протокола.

В коридоре нас догнал Кристиан.

Копьё ему вернули. Оно снова было в его руке — длинное, тёмное, с серебристым наконечником. Я сразу заметила, как меняется его осанка. Не расслабляется. Нет. Кристиан вообще, кажется, считал расслабление предосудительным поведением для людей без чувства стиля. Но с копьём он становился цельнее.

Это было не просто оружие. Не просто артефакт.

Это была часть его привычного равновесия.

И именно поэтому мысль об остаточном приказе внутри копья казалась такой мерзкой.

— Не обсуждайте знак в общих зонах, — сказал Кристиан.

— Привет, — сказала я. — Мы тоже рады тебя видеть.

— Кира.

— Что? Ты опять начинаешь разговор как аварийное оповещение.

— Не обсуждайте знак в общих зонах, — повторил он. — Здесь слишком много открытых интерфейсов.

Зик оживился.

— Открытых в каком смысле?

— В таком, что система собирает больше, чем говорит.

— Она легально может?

Кристиан посмотрел на него так, будто Зик задал очень наивный вопрос для человека, способного найти подозрительный лифт за пять минут.

— Она глубинный научный корпус, — сказал он. — Здесь слово “легально” зависит от того, кто пишет цель исследования.

Тобиас тихо выругался.

— Отлично. Мы приехали в место, где стены подслушивают.

— Не только стены, — сказал Рей, появляясь у нас за спиной. — Поэтому меньше обсуждений в коридорах. Больше — там, где я скажу.

— Вы это говорите как преподаватель или как человек, который уже нашёл, где стены слушают хуже? — спросила я.

Рей посмотрел на меня.

— Да.

— Обожаю точные ответы.

Он скользнул взглядом по группе.

— Сейчас возвращайтесь в жилой блок. Ешьте. Спите. Не трогайте браслеты. Не ищите нижние лифты. Не спорьте с сотрудниками без причины.

— А с причиной? — спросил Тимур.

— С причиной сначала зовите меня.

— Вот это сервис.

Рей задержал взгляд на мне.

— Ты — особенно.

— У меня нет планов спорить с сотрудниками.

Тина посмотрела на меня.

Лиза посмотрела на меня.

Тимур кашлянул.

Даже Зик поднял брови.

— Ладно, — сказала я. — У меня нет планов спорить с сотрудниками без художественной необходимости.

— Художественную необходимость согласовывать со мной, — сказал Рей.

Я фыркнула.

И только когда мы уже вошли в жилой сектор, я заметила, что Кристиан всё ещё идёт рядом. Молча. В его молчании было что-то напряжённое, слишком личное для обычного предупреждения.

— Ты видел этот знак раньше, — сказала я тихо.

Он не ответил сразу.

— В старых служебных схемах.

— Что он значит?

— Не знаю точно.

— Снова восхитительный ответ.

— В моём втором курсе его не было в открытых зонах.

— А где был?

Кристиан остановился у двери общей комнаты.

— Ниже.

Слово прозвучало так, будто оно было не направлением, а запретом.

Потом он ушёл.

* * *

Ночью в Мариане не темнело.
Потому что темно было всегда.

Менялись только оттенки искусственного света: учебный синий, коридорный серый, аварийный почти белый, ночной тусклый, как дыхание уставшего экрана. За окном общей зоны плавали редкие огни живых существ. Иногда снаружи проходил дрон, и его луч скользил по стеклу, оставляя на секунду длинную полосу света на полу.

Группа сидела в общей комнате, хотя всем официально рекомендовали отдых.

Официальные рекомендации в нашей жизни давно стали чем-то вроде плохой погоды: учитывать стоит, доверять — нет.

Лиза разложила на столе карточки с правилами. Тина сидела в кресле у окна, скрестив ноги, и смотрела в воду. Тобиас стоял у двери, словно кто-то мог ворваться прямо из коридора и потребовать у него эмоциональную адаптацию. Зик открыл карту уровней и отмечал несоответствия.

Тимур принёс из кухонного блока чай.

— Не спрашивайте, что это, — сказал он, ставя кружки. — Автомат назвал это “травяной стабилизирующий напиток”. Я назвал это “сено с амбициями”.

Я взяла кружку.

— Если оно стабилизирует, браслет обидится.

— Пусть конкурируют за наше психическое здоровье.

Лиза подняла глаза.

— Нам нужно решить, что делать с завтрашними собеседованиями.

— Отвечать, не отвечая, — сказал Зик.

— Это как?

— Давать проверяемые факты, избегать интерпретаций, не использовать эмоционально нагруженные формулировки, задавать вопросы о целях сбора данных.

— Мой любимый вид свидания, — сказал Тимур.

Тобиас нахмурился.

— Это не свидание. Это допрос.

— Собеседование, — поправила Лиза.
— Допрос в мягком кресле.
— Не факт, что кресло будет мягким, — сказал Зик.
— Зик.
— Что?
— Поддержка. Мы обсуждали.

— А. Кресло, вероятно, будет эргономичным.

Я уткнулась в кружку, чтобы скрыть улыбку.

Хотя мне было страшно. Очень. Но рядом с ними страх становился многоголосым. Он переставал звучать как приговор и начинал звучать как бесконечный спор в комнате, где кто-то всегда найдёт повод пошутить, кто-то — записать, кто-то — проверить дверь, а кто-то — сказать неприятную правду.

— Кристиан сказал не показывать максимум, — сказала я.

Все замолчали.

Лиза первая взяла планшет.

— Это рационально.

— Это ужасно, — сказал Тобиас.

— И рационально, — сказала Тина.

— Я не умею показывать половину, — буркнул Тобиас. — Если что-то происходит, я реагирую.

— Именно это они и запишут, — сказал Зик.

Тобиас посмотрел на него.

— Ты помогаешь?

— Пытаюсь. Плохо.

Тимур сел рядом.

— А ты? Умеешь половину?

Я посмотрела на свою руку. Рисунок на предплечье снова почти исчез.

— Я не всегда понимаю, где у меня половина. Иногда дар делает вид, что он отдельный участник обсуждения.

— Тогда скажи куратору, что твой дар плохо воспитан, — предложил Тимур. — Пусть ставят ему отдельную оценку.

— Мой дар получит “неуд” за поведение.

— Зато честно.

Лиза постучала пальцем по столу.

— Главное — не дать им определить нас раньше, чем мы сами поймём, что происходит.

Я подняла голову.

Это прозвучало почти как девиз второго курса. Если бы жизнь была чуть более литературной, где-нибудь рядом должна была бы вспыхнуть молния. Но вместо молнии в кухонном блоке булькнул автомат.

— Красиво сказала, — заметил Тимур. — Записала?

Лиза покраснела.

— Теперь запишу.

В комнату заглянул сотрудник в чёрной форме.

— В двадцать три ноль-ноль общий сектор переходит в ночной режим. Рекомендуется разойтись по комнатам.

— А если мы не рекомендуем? — спросил Тимур.

Сотрудник посмотрел на него без выражения.

Браслет Тимура коротко вспыхнул.

Тимур медленно опустил кружку.

— Понял. Ночная рекомендация принята.

Когда сотрудник ушёл, я не выдержала:

— Он записал даже твою шутку.

— Я почувствовал. Как будто маленькая часть моей души стала пунктом отчёта.

— Добро пожаловать в Мариану, — сказал Зик.

На этот раз никто не засмеялся.

* * *

Первой на собеседование вызвали Лизу.

Она ушла в восемь ноль пять, с планшетом, прямой спиной и лицом человека, который собирается победить систему грамотной фиксацией её ошибок.

Вернулась через сорок минут.

— Ну? — спросил Тимур.

Лиза села за стол и положила планшет перед собой.

— Они вежливые.

— Ужасное начало.

— Мой куратор — доктор Селиванова. Она спросила, когда я впервые начала фиксировать имена как защитный механизм, считаю ли запись формой контроля, могу ли я забыть имя намеренно и что я чувствую, когда понимаю, что запись не спасает человека.

Тишина.

Тобиас сжал кулаки.

— Это вежливо? — спросил он.

Лиза посмотрела на свои руки.

— Да. Она задавала спокойно. Не давила. Но... я всё равно ответила больше, чем собиралась.

— Потому что вопрос был как крючок, — сказала Тина.

Лиза кивнула.

— Да. Красиво сформулированный крючок.

Тимур тихо сказал:

— Отлично. У нас рыбалка на подростков.

Следующим вызвали Зика.

Он ушёл с блокнотом, двумя ручками и выражением человека, который решил не сдаваться без библиографии. Вернулся бледный и раздражённый.

— Они спрашивали, почему я пытаюсь понять систему до того, как доверяю ей, — сказал он. — Я ответил, что доверие без модели риска не является рациональным. Куратор записал “высокая потребность в предсказуемости как способ снижения тревоги”.

— А это неправда?

Зик открыл рот. Закрыл.

— Не в этом дело.

— В том, что он забрал твою фразу и перевёл на свой язык, — сказала я.

— Да, — выдохнул Зик. — Именно.

Потом вызвали Тобиаса.

Он вернулся через двадцать три минуты. Это было рекордно быстро.

— Я сказал, что не хочу обсуждать, почему злюсь, когда меня оценивают, — сообщил он.

— И? — спросила Лиза.

— Он спросил, считаю ли я отказ от обсуждения проявлением защитного импульса.

Тимур прикрыл лицо ладонью.

— Они великолепны. Отвратительно, но великолепны.

— Я сказал, что считаю это проявлением того, что он меня бесит.

— И браслет? — спросила я.

— Мигнул.

Тина ушла после него. Вернулась спокойная, но глаза у неё стали темнее.

— Они спрашивали о границах, — сказала она. — О том, как я понимаю, где помощь становится вмешательством. О том, почему я предпочитаю наблюдать, прежде чем действовать.

— И что ты сказала? — спросила я.

— Что иногда действие — это способ не видеть сложность.

Я присвистнула.

— Тина, ты случайно не собираешься преподавать им вместо того, чтобы учиться?

— Они, разумеется, сохранили это в своих бумагах.

— Конечно.

Тимур ушёл последним передо мной.

Он попытался выглядеть легко.

— Если не вернусь, считайте, что меня классифицировали как юмористический ресурс и заперли в отделе моральной поддержки.

— Мы тебя вытащим, — сказала я.

— Красиво звучит. Непрактично, но красиво.

Он ушёл.

И без него общая комната стала тише.

Я поймала себя на том, что смотрю на дверь чаще, чем нужно. Сначала сказала себе, что просто жду отчёта. Потом — что беспокоюсь за всех одинаково. Потом — что врать себе в Мариане особенно глупо, потому что здесь, кажется, даже стены могли закатить глаза.

Тимур вернулся через час.

Без улыбки.

Я поднялась.

— Что?

Он махнул рукой.

— Всё нормально.

— Не начинай с этой фразы. Она заражена.

Он сел на диван, провёл рукой по волосам.

— Они спросили, почему я шучу, когда другим страшно. Потом — что я чувствую, когда люди успокаиваются рядом со мной. Потом — хочу ли я, чтобы от меня зависело эмоциональное состояние группы.

— И ты?

— Сказал, что я хочу, чтобы нас всех оставили в покое, но понимаю, что это не входит в учебный план.

Я фыркнула, но внутри было холодно.

— И что они выдали?

— Разумеется, красивую формулировку. Кажется, теперь я “спонтанный стабилизирующий фактор с выраженной социальной направленностью”.

— Поздравляю, — сказала Лиза. — Ты звучишь полезно.

Тимур посмотрел на неё.

Лиза осеклась.

— Прости.

— Ничего. Я сам это услышал.

Я села рядом. Не слишком близко. Но рядом.

— Ты не фактор.

Он повернул ко мне голову.

— Знаю.

— Точно?

— Нет, но уверенно делаю вид. Учусь у взрослых.

Я тихо засмеялась.

На его браслете пробежала короткая голубая линия.

Тимур посмотрел на неё.

— Серьёзно? Даже смех?

— Возможно, он радуется, — сказала я.

— Если браслет радуется, я увольняюсь из реальности.

И вот тут дверь открылась.

— Кан Кира Юрьевна, — произнесла сотрудница. — Ваш куратор готов принять вас.

Я встала.

Собеседование. Наконец-то.

Хотя слово «наконец-то» здесь означало не желание, а ту стадию ожидания казни, когда хочется уже перестать слушать, как точат топор.

Тимур поднял руку.

— Не будь фактором.

— Это худшее напутствие в моей жизни.

— Зато тематическое.

Лиза сказала:

— Спрашивай, кто имеет доступ к данным.

Тина:

— Не отвечай сразу, если вопрос задевает.

Зик:

— Не давай им выбирать термины без уточнения.

Тобиас:

— Если что, бей.

Все посмотрели на него.

— Что? — сказал он. — У меня тоже есть стиль поддержки.

Я вышла в коридор почти с улыбкой.

И улыбка исчезла, когда я увидела Кристиана у стены.

— Ты теперь сопровождаешь всех проблемных студентов? — спросила я.

— Только самых шумных.

— Грубовато.

— Точно.

Он пошёл рядом.

— Помни, — сказал он тихо. — Они не будут выглядеть опасными.

— Ты уже говорил.

— Повторю. Это важно.

— Мой куратор будет монстром в красивой рубашке?

— Нет. Скорее всего, умным человеком, который искренне считает, что помогает.

— Ненавижу сложные проблемы.

— Знаю.

Они остановились перед дверью с мягкой синей полосой.

— Кристиан.

Он посмотрел на меня.

— Ты тогда тоже отвечал правильно?

Пауза.

— Да.

— И они решили, что с тобой всё хорошо?

— Они решили, что я перспективен.

Я сжала зубы.

— Я не хочу быть перспективной.

— Тогда будь неудобной аккуратно.

— Ужасный совет.

— Лучший, который у меня есть.

Дверь открылась.

Кабинет внутри был светлее коридора, но не теплее. Стеклопанель выходила в воду. У окна стоял стол, за ним — женщина лет тридцати пяти в тёмном костюме без халата. У неё были короткие каштановые волосы, спокойное лицо и очень внимательные глаза.

Не злые.

Вот что раздражало сразу.

— Кира, — сказала она, поднимаясь. — Я доктор Майя Ардова. Ваш предварительный научный куратор.

Она не сказала «нестандартный береговой контур». Не сказала «случай». Не сказала «объект». Просто имя.

Умно.

Слишком умно.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Садитесь, если хотите. Или стойте, если так спокойнее.

Я остановилась на полпути к креслу.

— Это проверка?

— Нет. Выбор.

— В Мариане они отличаются?

Доктор Ардова чуть улыбнулась.

— Хороший вопрос.

— Плохой ответ.

Улыбка стала заметнее. Не обиженная. Не снисходительная. Почти живая.

— Тогда попробую лучше. Должны отличаться. Но не всегда отличаются. Моя задача — сделать так, чтобы в нашей работе отличались.

Вот.

Правильные слова.

Слишком правильные.

Я села.

— Вы понимаете, что звучите как человек, которому очень хочется, чтобы я расслабилась?

— Да. Поэтому не буду просить вас расслабиться.

— Уже лучше.

Ардова открыла на столе тонкую папку. Не экран. Бумагу.

Я заметила это и нахмурилась.

— Почему не планшет?

— Потому что экраны здесь автоматически синхронизируются с частью систем корпуса.

Бумага медленнее. Иногда это полезно.

Я не хотела, но уважение появилось. Маленькое. Неприятное.

— Кто имеет доступ к моим данным? — спросила я сразу.

Ардова кивнула, будто ожидала.

— Я. Координатор программы. Медицинский сектор в пределах адаптационных показателей. Профессор Рей по отдельному допуску. Директор исследовательского блока — только к обезличенной части, если нет аварийного инцидента. Совет — через сводный отчет без личных подробностей, если родители не подписали расширенный доступ.

— Не подписали.

— Я знаю.

— Вы знаете, потому что читали профиль.

— Да.

— Значит, вы уже знаете обо мне слишком много.

— Знаю много формулировок о вас. Это не одно и то же.

Я замолчала.

Опять правильный ответ.

Ардова не торопила.

Это было хуже давления. Давление хотя бы давило. А тишина давала тебе самой заполнить её тем, что болит.

— Я не хочу быть профилем, — сказала я.

— Никто не хочет.

— Неправда. Некоторые хотят. Так проще. Тебя красиво называют, и вроде всё понятно.

— А вы не хотите, чтобы было понятно?

Я посмотрела на неё.

— Я хочу, чтобы меня понимали, не разбирая на части.

Ардова записала.

Я тут же напряглась.

— Что вы записали?

— Вашу фразу. Дословно.

— Зачем?

— Потому что она важнее моих терминов.

Это было мерзко.

Нет. Не мерзко.

Хуже.

Это было почти хорошо.

И я совсем не знала, что с этим делать.

Собеседование длилось сорок минут.

Сначала она попросила просто рассказать, как я сама описала бы свой дар, если бы у меня не было школьных терминов.

— Плохо, — сказала я.

Ардова подняла глаза.

— Это описание?

— Это честная оценка качества описания.

— Попробуйте.

Я посмотрела на воду за стеклом. В кабинете стояла тишина другого сорта, не такая, как внизу. Здесь тишина была управляемой. Сделанной для разговоров, в которых человек забывает, что его слова кому-то нужны.

— Он не похож на стихийную магию, — сказала я. — По крайней мере, не только. В первом корпусе все пытались понять, вода это, природа, море, артефактная реакция или сиренный след. А он... как будто не выбирает одну категорию. Он реагирует на границы.

Ардова не перебила.

Это было приятно и подозрительно.

— То есть реакция аномальная, — сказала она и сразу остановилась, будто сама услышала слово раньше, чем успела спрятать его в нейтральный тон. — Нет. Простите. Неудачно. Нестандартная — тоже чужое слово. Давайте так: реакция выходит за готовые категории.

— Вот, — сказала я. — Видите? Мариана всё равно пролезает через рот.

— Вижу, — ответила Ардова. — И буду исправлять, когда замечу.

— На какие границы?

— Между человеком и системой. Между морем и сушей. Между “я хочу” и “меня заставили”. Между живым и тем, что сделали из живого.

Я замолчала.

Сказала слишком много.

Она сразу поняла это по тому, как Ардова чуть опустила взгляд к бумаге.

— Не записывайте это как “метафорическое мышление вследствие травмы”, — сказала я резко.

Ручка Ардовой остановилась.

— Я записала: “реагирует на границы”. Это достаточно точная формулировка?

Я прикусила щёку изнутри.

— Да.

— Хорошо.

— Вы всегда так делаете?

— Как?

— Даёте человеку выбрать, как его записать.

Ардова на секунду задумалась.

— Стараюсь. Не всегда получается.

— Почему?

— Потому что иногда система требует быстрых классификаций. А быстрые классификации редко бывают бережными.

Опять правильно.

Я почти разозлилась.

— Вы специально говорите вещи, с которыми трудно спорить?

— Нет. Но понимаю, что это может раздражать.

— У вас талант.

— Спасибо.

Я фыркнула.

Ардова перевернула страницу.

— Вы употребили слово “система” четыре раза за последние пять минут.

— Я живу насыщенными системами жизнью.

— Что вы слышите, когда взрослый человек говорит вам “это ради безопасности”?

Я откинулась на спинку кресла.

Вопрос был простой. Настолько простой, что внутри сразу поднялось слишком много ответов.

Мамин голос: мы проверили.

Отцовский: я не могу закрыть дверь и сделать тебя безопасной.

Александр: необходимость.

Кассандра Райли: защита сознания.

Стилкофт: точность обращения с артефактом.

Кристиан: не показывай максимум.

Рей: я постараюсь не перепутать наблюдение и защиту.

Слово “безопасность” оказалось не словом, а комнатой, полной людей.

— Смотря кто говорит, — сказала я.

— А если говорит Мариана?

— Тогда я слышу: “мы уже решили, что имеем право”.

Ардова записала. Медленно. Дословно.

— А если говорю я?

Я посмотрела на неё.

Вот крючок.

Не грубый. Не манипулятивный. Почти честный. Но крючок.

— Я пока не знаю, кто вы.

— Хороший ответ.

— Вы сейчас тоже классифицировали?

— Скорее отметила, что вы не отдаёте доверие авансом.

— Это не отметка. Это здравый смысл.

— Согласна.

Я устало выдохнула.

— Доктор Ардова, вы понимаете, что если будете всё время соглашаться с моими подозрениями, я начну подозревать вас ещё больше?

— Да.

— И?

— Доверие не обязано появиться сегодня.

Я отвернулась к окну.

За стеклом темнота была полной. Где-то далеко двигались крошечные синие точки. Я вдруг подумала, что Мариана, возможно, очень хорошо умела делать людей одинокими именно потому, что вокруг всегда были другие. Сотрудники, кураторы, студенты, системы, браслеты. Столько наблюдения, что настоящая близость начинала казаться нелегальной.

— Я боюсь, — сказала я неожиданно.

Ардова ничего не записала.

Это было важно.

Я заметила.

— Чего именно?

— Что если они правы.

— Кто?

— Все. Родители. Рей. Кристиан. Вы. Что мне действительно надо это пройти. Что мой дар действительно опасен. Что если я откажусь от исследований, я не стану свободнее, а просто останусь неизвестной угрозой.

Она сглотнула.

— И я боюсь обратного. Что если соглашусь, то однажды проснусь и пойму, что меня аккуратно разобрали на части, а я всё время думала, что мне помогают.

Впервые за разговор лицо Ардовой стало не профессионально спокойным, а просто человеческим.

— Это очень разумный страх.

— Ненавижу, когда мои страхи разумные.

— Неразумные легче прогнать?

— Неразумные хотя бы можно обозвать драматичными.

Ардова улыбнулась краем губ.

— Тогда наша задача — не прогнать страх, а сделать так, чтобы он оставался вашим. Не инструментом Марианы.

Я посмотрела на неё.

— Опять правильная фраза.

— Да.

— Вы должны раздражать меня меньше, а получается наоборот.

— Это тоже можно записать?

— Нет.

— Хорошо.

И Ардова не записала.

Это, возможно, было самой опасной частью разговора.

Ардова спрашивала не так, как остальные кураторы. Или я просто пока не видела крючки. Вопросы были мягкие, но точные: что изменилось после пробуждения дара, как я отличаю зов моря от собственного желания, что чувствую при слове «безопасность», почему слово «согласие» вызывает такую сильную реакцию, как я понимаю границу между помощью и использованием.

Я отвечала не на всё. Иногда говорила «не хочу». Иногда — «не знаю». Иногда — «это не ваш вопрос».

Ардова принимала все три варианта.

И именно поэтому я доверяла ей меньше, чем если бы та спорила.

Когда собеседование закончилось, Ардова закрыла папку.

— Сегодня после обеда у группы будет первый тест давления. Не индивидуальный. Мягкий. Без вывода дара на максимум.

— “Мягкий тест давления” звучит как “ласковая казнь”.

— Примерно так я и просила отдел коммуникаций не формулировать.

Я неожиданно улыбнулась.

Ардова тоже.

— Что будет на тесте?

— Камера с имитацией глубинного отклика. Вы должны будете удержать минимальный активный контур дара, пока давление меняется. Мы смотрим не силу, а способ реакции.

— То есть если мой дар решит устроить спектакль?

— Мы будем останавливать тест.

— Красиво сказано.

— Я правда буду останавливать тест, Кира.

Она сказала это без улыбки.

Я не знала, верить ли.

— Посмотрим, — сказала она.

— Да, — ответила Ардова. — Именно это мы и будем делать.

* * *

Первый тест давления начался в три часа.

К этому моменту я успела поесть суп, который выглядел как питательная жидкость для людей без надежды; поругаться с браслетом, потому что он предложил мне дыхательное упражнение; получить от Лизы три пункта стратегии поведения; выслушать от Тимура лекцию о том, что если суп может считаться едой, то он тоже может считаться психологом; и заметить, что Кристиан избегает смотреть на нижние лифты.

Тестовая камера находилась в адаптационном секторе, но выглядела уже не как учебная комната. Скорее как сердце механизма.

Круглый зал. Тёмный пол с концентрическими линиями. Стекланный купол над центральной площадкой. Вдоль стен — наблюдательные панели. За стеклом — сотрудники и кураторы. На одном уровне стоял Рей. Рядом с ним Кристиан, уже с копьём.

У каждого студента — отдельный круг.

— Это групповой тест, — объяснил доктор Велес. — Вы не взаимодействуете между собой напрямую. Просто удерживаете минимальный контур дара, пока камера имитирует изменение глубинного давления. При дискомфорте поднимаете руку или произносите “стоп”.

— А если дар не знает слово “стоп”? — спросила я.

Велес посмотрел на меня.

Ардова, стоявшая у панели, ответила первой:

— Тогда говорите вы. Мы слушаем вас, а не дар.

Я не ожидала ответа.

И снова не знала, что с ним делать.

Тест начался мягко.

Сначала просто потяжелел воздух. Не физически — скорее внутренне. Как будто каждый вдох стал чуть более осозанным. Свет в полу загорелся под ногами студентов.

Лиза активировала тонкую линию имени — не слово, а структуру памяти, которую держала в пальцах. Тина закрыла глаза, вокруг неё едва заметно дрогнул воздух. Тобиас стоял напряжённо, кулаки сжаты, но вокруг его плеч появился слабый защитный контур. Зик смотрел на линии пола так, будто пытался договориться с геометрией. Тимур выдохнул, и рядом стало чуть ровнее.

Не спокойнее.
Ровнее.
На панели за стеклом вспыхнул показатель. Куратор Тимура наклонился к экрану.
Я почувствовала злость.
Стоило человеку быть рядом — и это уже показатель.
— Кира, — сказала Ардова через встроенный канал. — Минимальный контур.
Я вдохнула.
Море не звало.
Я потянулась к дару осторожно, как к животному под кроватью. Не силой. Не приказом.
Просто открыла внутри тонкую щель.
Рисунок на предплечье вспыхнул.
Линии света поднялись по коже, образовали знакомый круг, тонкие дуги, маленькую звезду в центре. Браслет отозвался короткой линией, но не вмешался.
Давление в камере изменилось.
Все чуть пошатнулись.
Я удержала контур.
Ещё изменение.
Темнее.
Глубже.
Свет в моей руке стал не ярче, а плотнее.
И вдруг пол под ногами ответил.
Не загорелся.
Не мигнул.
Ответил.
Станция словно перестала наблюдать снаружи и на секунду повернулась ко мне изнутри.
Линии под моим кругом изменили рисунок.
Не по программе.
Пауза вышла такой короткой, что её почти нельзя было назвать паузой.
Но все успели её заметить.
Ардова выпрямилась.
Рей шагнул вперёд.
Кристиан сжал копьё.
Тимур открыл глаза.
— Кира? — сказал он, хотя прямого канала между нами не должно было быть.
Я хотела ответить, но не смогла.
Тишина из глубины поднялась внутри камеры.
Плотная.
Чёрная.
Внимательная.
Она не звала меня.
Она слушала.
На центральном экране вспыхнула строка:
НЕСТАНДАРТНЫЙ ОТВЕТ СТАНЦИОННОГО КОНТУРА.
Тест давления закончился раньше, чем начался.
Потому что мой дар не просто среагировал на Мариану.
Мариана на секунду среагировала на меня.

Глава 4. Стабилизирующий фактор

Если бы у меня была возможность выбирать, чем закончится первый групповой тест в Мариане, я бы выбрала что-нибудь скучное.

Например, лёгкую головную боль. Небольшой провал по удержанию контура. Комментарий доктора Ардовой в духе: «Студентка Кан демонстрирует ожидаемую нестабильность после событий прошлого года». Даже фраза «рекомендуется дополнительный отдых» звучала бы почти празднично. Я бы честно легла в кровать, посмотрела в потолок, сказала ему пару важных вещей о своей жизни и, возможно, даже уснула.

Но нет.

Мой дар решил познакомиться с Марианой.

А Мариана, что было гораздо хуже, решила ответить.

В камере давления никто не двигался. Точнее, все двигались, но так осторожно, будто любое лишнее движение могло попасть в протокол и вырасти там во что-нибудь с латинским названием. Студенты стояли на своих кругах, свет под ногами ещё не погас, а центральный экран продолжал показывать неприятно честную строку:

НЕСТАНДАРТНЫЙ ОТВЕТ СТАНЦИОННОГО КОНТУРА.

В нормальной школе после такой надписи, наверное, все бы закричали. В Мариане сотрудники за стеклом начали делать пометки.

Это, как мне казалось, очень хорошо описывало место, куда нас исторически, безопасно и совершенно нормально привезли на второй курс.

— Контур сбросить, — сказал доктор Велес.

Его голос прозвучал через потолочные динамики мягко, даже почти успокаивающе. Настолько мягко, что мне захотелось найти ближайший тяжёлый предмет и уточнить у него, как он относится к слову «сброс».

Свет под ногами студентов погасал по очереди. Сначала у Лизы — ровно, послушно, как у человека, который даже в катастрофе закрывает вкладки перед выключением компьютера. Потом у Тины — медленно, будто контур ещё пару секунд думал, стоит ли доверять реальности. У Тобиаса свет хлопнул короткой вспышкой и ушёл в пол. У Зика линии свернулись сложной спиралью, и он сразу посмотрел на это с таким выражением, будто хотел запатентовать собственную тревожность.

У Тимура круг не погас.

Он стал тусклее, но не исчез. Под его ботинками мягко пульсировал контур, совсем не похожий на синие и белые линии станции. Тимур посмотрел вниз.

— Это я? — спросил он.

— Не двигаться, — сразу сказал куратор за стеклом.

— Отличный ответ, — пробормотал Тимур. — Всегда мечтал светиться и не получать объяснений.

— Аверьянов, контур удержания, — произнесла женщина у панели. Я уже запомнила её как доктора Лисицкую, научного куратора Тимура: светлые короткие волосы, очки без оправы, лицо человека, который умеет произносить «интересно» так, что хочется спрятаться.

— Я не держу, — сказал Тимур. — Оно само.

Лисицкая наклонилась к экрану.

— Пульс группы снижается.

— А мой?

— Ваш тоже.

— Ну хоть кому-то я полезен.

Я хотела съязвить, но браслет на руке сжал запястье. Не больно. Просто напомнил, что он здесь, что он всё слышит, всё фиксирует и вообще считает себя частью моей личной жизни. Я посмотрела на него.

— Не завидуй, — сказала я тихо. — У тебя тоже есть токсичная роль.

Браслет мигнул.

— Кан, — сказал Рей за стеклом.

Только имя.

Но в его голосе было достаточно, чтобы я не стала продолжать отношения с браслетом.

Мой круг всё ещё светился. Точнее, не круг. То, что раньше было кругом, теперь стало чем-то вроде неправильной карты. Линии под моей рукой уходили в пол, разбежались тонкими белыми нитями и возвращались обратно, будто станция пыталась понять, куда меня положить в своей аккуратной таблице, и каждый раз у неё получалось «не сюда».

Доктор Ардова вышла из наблюдательного сектора первой.

Дверь камеры открылась с мягким шипением. Воздух изменился. Не стал легче — в Мариане вообще, кажется, не существовало воздуха без подтекста, — но давление перестало

давить изнутри на уши. Ардова подошла не ко мне, а к границе светящегося рисунка. Остановилась за полметра.

Умная женщина. Не наступает на непонятное.

— Кира, вы можете убрать руку? — спросила она.

— Хороший вопрос. Сейчас выясним, есть ли у меня рука как отдельная структура.

Тимур тихо сказал:

— Рука, мы в тебя верим.

Лиза прошипела:

— Тимур.

— Что? Моральная поддержка конечностей не запрещена.

Я медленно опустила пальцы. Свет на коже дрогнул, но не погас. На предплечье вспыхнул узор: белые дуги, тонкие круги, маленькая звезда, которая с прошлого года выглядела как личный логотип неприятностей. Линии под ногами повторили движение с задержкой.

Станция снова ответила.

На этот раз не тишиной.

Щелчком.

Где-то глубоко под полом что-то переключилось.

Сотрудники за стеклом замолчали.

Я подняла глаза.

— Это было в плане урока?

Велес появился рядом с Ардовой. Он не торопился. Люди, которые умеют контролировать комнату, вообще редко торопятся. Они просто приходят, и всем становится понятно, что теперь воздух принадлежит им.

— Студентка Кан, — сказал он, — пожалуйста, не активируйте контур повторно без команды.

— Прекрасно. Вы думаете, это я специально?

— Мы пока ничего не думаем.

— Невероятное достижение для исследовательского корпуса.

Ардова чуть повернула голову. Не улыбнулась, но я увидела: услышала.

Велес не отреагировал.

— Сейчас мы завершим тест, затем повторим фрагмент в индивидуальном режиме.

— Нет, — сказал Рей.

Слово вышло спокойно. Очень спокойно. Именно так люди иногда говорят «нет», когда уже решили, что спорить будут не они.

Велес повернулся к нему.

— Профессор Рей, протокол предусматривает повторную фиксацию аномального ответа при первичном проявлении.

— После восстановления базового состояния студентки.

— Базовое состояние не нарушено.

— Вы не можете это знать.

— Браслет показывает допустимые показатели.

Рей посмотрел на моё запястье так, будто браслет сейчас должен был сам попросить прощения.

— Браслет показывает то, для чего его научили смотреть.

Велес выдержал паузу.

— Именно поэтому у нас есть научные сотрудники.

— Отлично, — сказал Рей. — Научные сотрудники подождут.

Мне стало чуть легче.

Не потому что Рей был на моей стороне. После первого курса я вообще не любила формулировку «на моей стороне». Стороны часто превращали человека в флажок на карте. Но Рей, по крайней мере, не говорил «это для твоей безопасности» так, будто безопасность имеет право раздеть тебя до костей.

Кристиан всё это время стоял за стеклом.

С копьём.

Очень ровно.

Слишком ровно.

Мариана будто вернула ему ту осанку, которую в прошлом году едва начала ломать: плечи прямые, лицо спокойное, взгляд внимательный, пальцы на древке без дрожи. В Бермудском корпусе, когда всё рушилось, он выглядел живым — злым, виноватым, упрямым, иногда почти настоящим. Здесь он снова становился частью интерьера: красивый, чёрный, холодный, идеально вписывающийся в лабораторный свет.

И это почему-то испугало меня сильнее, чем строка на экране.

— Группу вывести, — сказала Ардова.

Велес посмотрел на неё.

— Доктор Ардова.

— У нас уже есть достаточный материал для первичного модуля. Продолжение даст не чистые данные, а реакцию на стресс.

— Реакция на стресс входит в профиль дара.

— После согласия студента на стрессовый протокол.

Пауза.

Очень маленькая.

Но в Мариане, где всё считали, маленькие паузы тоже были данными.

Велес улыбнулся.

— Разумеется.

Вот это «разумеется» прозвучало так, что я сразу перестала верить в разумеющееся вообще.

Нас вывели из камеры через боковой шлюз. Не обратно в адаптационный зал, а в узкий коридор с матовыми стеклянными стенами и мягким светом вдоль пола. На стенах двигались тонкие схемы: давление, глубина, температура, магический фон. Всё выглядело как интерфейс для людей, которым очень хотелось верить, что если ужас красиво визуализировать, он станет меньше.

— Это было... — начала Лиза.

— Не говори «интересно», — попросила я.

— Я хотела сказать «неприятно».

— Тогда говори. Это научно безопаснее.

— Это было неприятно, — сказала Лиза. — И я не понимаю, почему у Тимура контур не погас.

— Потому что я светлая сторона нашей тёмной исследовательской группы, — сказал Тимур.

— Ты буквально светился, — сказал Тобиас.

— Вот. Наконец-то официальное признание.

— Не радуйся, — сказала Тина.

Она шла чуть позади Лизы, руки в карманах чёрной формы Марианы, волосы собраны выше, чем обычно. В новом тёмном исследовательском костюме она выглядела взрослее и холоднее, но глаза оставались теми же: внимательными, спокойными, опасно честными.

— Почему? — спросил Тимур.

— Потому что если Мариана заметила, что ты можешь снижать пульс группы, она захочет понять как.

Тимур на секунду замолчал.

Вот только на секунду.

Но я услышала эту секунду лучше любой шутки.

— Может, просто я всем нравлюсь, — сказал он потом.

— В протоколе это назовут социально-эмоциональной стабилизацией, — сказал Зик.

— Зик, я просил не портить мне харизму терминологией.

— Я не порчу. Я перевожу.

— Переводчик из тебя ужасный.

— Зато точный.

Я посмотрела на Тимура. Он улыбался. Почти как всегда. Но пальцы правой руки сжимали край куртки. Слишком крепко.

И меня вдруг накрыло злостью.

Не на него.

На Мариану.

На светлые коридоры, мягкие протоколы, аккуратные браслеты, сотрудников с выражением лиц «мы просто хотим понять». Стоило Тимуру быть рядом, стоило его присутствию помочь группе не сорваться, и у системы уже появлялся интерес. Не человеческий: спасибо, ты помог. А исследовательский: почему сработало, можно ли повторить, можно ли использовать.

Первый курс научил меня: человека можно превратить в материал.

Второй, похоже, собирался показать, как человека превращают в метод.

— Кан, — сказал Тимур тихо.

— Что?

— У тебя лицо.

— Оно у меня давно.

— Нет, это другое. Это лицо «сейчас я пойду ломать лабораторию, но сначала придумаю моральное обоснование».

— Я могу обойтись без обоснования.

— Вот именно поэтому я и беспокоюсь. На такой глубине было бы жаль его лишаться.

Я хотела ответить, но нас остановили у двери с синим контуром. Над ней светила пиктограмма: круг внутри квадрата. Никаких слов. Мариана вообще любила пиктограммы. Видимо, чтобы если тебя когда-нибудь случайно разберут на атомы, ты не успел предъявить претензию к формулировке.

Дверь открылась.

За ней был учебный модуль.

Не класс.

Классы оставались где-то в нормальном мире, где доска, столы и учитель, который делает вид, что контрольная — это важнейшее испытание человеческой души. Модуль Марианы выглядел как круглая лаборатория: пол из тёмного композита, четыре прозрачные камеры вдоль стен, подвесные интерфейсы, потолочные датчики, вода за внешним стеклом и тонкие линии давления, бегущие по полу.

В центре стояли невысокие платформы. На каждой — ручной контур, похожий на стеклянную чашу с водой внутри.

Ардова вошла следом.

— Это модуль профилирования дара, — сказала она. — Не стрессовый. Учебный.

— У вас эти слова отличаются цветом тревоги? — спросила я.

— Отличаются целями, — ответила она. — Здесь мы не проверяем предел. Мы учим вас видеть структуру.

— А потом проверите предел.

— Да.

Честный ответ выбил меня из привычной злости.

Очень нечестно со стороны честных ответов.

— Не сейчас, — добавила Ардова. — Сейчас — структура.

Велеса с нами не было. Это сразу делало воздух легче. За стеклом оставались сотрудники, но меньше. Рей вошёл в модуль как наблюдатель. Кристиан тоже. На его рукаве был временный знак ассистента — тёмная полоса с серебристой линией. Никакого «студент». Никакого «выпускник». Мариана любила точные статусы.

Кристиан поймал мой взгляд.

Я отвернулась первой.

Не потому что злилась.

Ну ладно. Не только потому что злилась.

Ардова распределила нас по платформам. Не всех сразу в камеры. Сначала общая работа.

— Первый принцип глубинного профиля, — сказала она, — дар нельзя понять только по тому, что он делает в нормальных условиях. На поверхности многие проявления выглядят одинаково. Давление показывает структуру.

— Как рентген? — спросила Лиза.

— Скорее как среда, в которой лишнее перестаёт держаться.

Зик поднял руку.

— Это научное определение или красивое?

Ардова чуть улыбнулась.

— Хороший вопрос. Пока рабочее.

Зик записал.

— Зик, — сказал Тимур, — ты тоже начал вести блокнот?

— Если Лиза погибнет под тяжестью ответственности, кто-то должен будет продолжить традицию.

Лиза посмотрела на него.

— Очень трогательно. Не трогай мои записи.

— Я не трогаю. Я создаю резервную систему.

— Без моего согласия?

Зик открыл рот.

Закрыл.

— Принято, — сказал он. — Плохая формулировка.

Тина едва заметно кивнула.

Иногда наша группа росла такими странными рывками, что мне хотелось поставить этому отдельную оценку. Желательно без кураторов.

Упражнение оказалось простым только на вид.

Нужно было опустить руку к стеклянной чаше и не вытягивать дар наружу, а позволить воде показать, как он обычно движется. Не заставить. Не вызвать. Не приказать. Просто наблюдать.

— Это издевательство, — сказала я.

— Почему? — спросила Ардова.

— Потому что вы просите группу подростков не вмешиваться в то, что происходит у них под носом.

— Я верю в ваш потенциал.

— Это смело.

Тимур склонился к своей чаше.

— Вода, если что, я тоже в нас не верю, но попробуем.

Сначала ничего не происходило.

Потом у Лизы вода стала гладкой, как зеркало. Внутри поверхности появились тонкие белые штрихи. Не буквы. Не имена. Скорее пустые места для них. Лиза побледнела.

— Не записывай, — сказала Ардова мягко.

— Я не могу не...

— Можешь. Сейчас не нужно фиксировать. Нужно увидеть, что желание фиксировать — часть твоей реакции.

Лиза сжала свободную руку в кулак.

— Если я не запишу, оно исчезнет.

— Возможно.

— Это плохо.

— Это больно, — поправила Ардова. — Не всегда одно и то же.

Лиза посмотрела на неё так, будто хотела записать эту фразу и одновременно бросить в неё чашу.

У Тины вода не стала зеркалом. Она потемнела по краям, а в центре появилась тонкая граница — прозрачная, почти невидимая линия. Сначала она была ровной, потом дрогнула, когда за стеклом кто-то из сотрудников подошёл ближе.

Тина заметила.

— Она реагирует на присутствие.

— На границы присутствия, — сказала Ардова. — Ваш дар может не усиливать человека, а отделять его эмоциональное поле от чужого давления.

Тина молчала.

Я видела, как ей не нравится слово «может». В Мариане «может» всегда звучало как начало охоты.

У Тобиаса вода поднялась столбиком.

Просто так.

Он даже не успел коснуться чаши. Она будто решила заранее, что с этим парнем лучше не спорить. Столбик стал толстым, тяжёлым и почти сразу ударил в крышку. Та выдержала.

Тобиас отдернул руку.

— Я не хотел.

— Поэтому мы и работаем с профилем, — сказал его куратор из соседнего канала. — Сила приходит до намерения.

Тобиас резко посмотрел на стекло.

— Это не комплимент.

— Это наблюдение.

— У вас тут всё, что неприятно, наблюдение?

— Часто да, — сказала Ардова.

Тобиас замолчал. И почему-то именно это было тревожно. Тобиас обычно либо стоял как дверь, либо говорил мало, но так, что становилось понятно: дверь заперта. А тут у него на лице было не раздражение, а стыд.

Система уже нашла, куда давить.

У Зика вода превратилась в схему.

Не красивую. Нервную. Линии возникали, исчезали, поправляли сами себя, как будто дар пытался построить модель всего модуля и сразу обижался, что данных недостаточно. Зик смотрел с выражением человека, который одновременно в ужасе и счастлив.

— Не пытайтесь достроить, — сказала Ардова.

— Я не пытаюсь.

— Вы пытаетесь понять.

— Это не одно и то же.

— В вашем случае очень близко.

Зик вздохнул так, будто его оскорбили точно.

У Тимура вода сначала ничего не сделала.

Он уже открыл рот, чтобы пошутить, но не успел.

Чаша у него не вспыхнула, не поднялась, не стала зеркалом, схемой или силовым столбом. Вода просто стала тише. Не визуально — это было невозможно увидеть. Но все в комнате почувствовали.

Линия Тины перестала дрожать.

Столб Тобиаса осел.

Зиковы схемы перестали дёргаться.

Лиза выдохнула.

Даже мой узор на предплечье стал светить ровнее.

Тимур посмотрел на нас.

— Я ничего не сделал.

За стеклом доктор Лисицкая резко подняла голову.

— Повторите.

— Что повторить? Ничего?

— Именно.

— Я начинаю опасаться, что это будет мой любимый предмет.

Ардова подошла к его платформе.

— Что вы почувствовали?

Тимур пожал плечами.

— Что все сейчас слишком стараются не сломаться.

— И?

— И я подумал, что если кто-нибудь скажет нормальную глупость, может стать легче.

— Вы сказали?

— Нет. Не успел.

— Но группа среагировала.

— Группа знает мой уровень идиотизма заранее.

Никто не засмеялся.

Потому что все поняли, что это правда. Не про идиотизм. Про заранее.

Тимур был рядом так часто, что его присутствие стало чем-то вроде поручня. Не спасением. Не героической стеной. Просто местом, куда можно опереться, пока мир опять пытается стать официально невыносимым.

И Мариана это увидела.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость. Тихая. Опасная.
Пожалуйста, не трогайте его.
Мысль вышла слишком быстро.
Не вслух. Но браслет мигнул.
Конечно.
Доносчик.
— Кира, — сказала Ардова.
Я поняла, что моя чаша тоже изменилась.
Вода в ней была не водой.
Она стала чёрной.
Не грязной. Не мутной. Чёрной, как внешняя вода за стеклом, где не было ни света, ни поверхности, ни обещания, что если поднимешь голову, увидишь небо. В центре чаши появилась тонкая белая линия.
Берег.
Слово пришло само. Я уже ненавидела его так же глубоко, как раньше ненавидела слово «стабилизация».
— Не тяните, — сказала Ардова.
— Я и не тяну.
— Тогда не закрывайся.
Она впервые сказала не «вы», а «ты».
Я подняла глаза.
Ардова тоже поняла. Пальцы у неё едва заметно напряглись.
— Простите, — сказала она. — Не закрывайтесь, пожалуйста.
— Вы почти стали человеком. Осторожнее, Мариана запишет.
— Уже записала.
Честно.
Снова нечестно.
Я посмотрела в чашу. Белая линия дрожала между водой и чем-то ещё. Не между морем и сушей. Между давлением и дыханием. Между тем, что хочет забрать, и тем, что ещё может отказаться.

Я не стала тянуть.

Просто смотрела.

И впервые за долгое время поняла о своём даре что-то не через катастрофу.

Он не был дверью.

Не был ключом.

Не был голосом.

Он был границей, которая могла не дать двум силам уничтожить друг друга.

Если, конечно, сама не сойдёт с ума от того, что обе стороны будут давить.

— Ненавижу, когда полезно, — сказала я.

Тимур тихо фыркнул.

— Запишем: Кира признала образовательную ценность водяной миски.

— Аверьянов, я тебя сейчас стабилизирую физически.

— Видите? Группа оживает.

Ардова закрыла модуль.

Чаши погасли.

Вода снова стала водой.

Но ощущение осталось. Очень неприятное ощущение: Мариана действительно могла научить. Не только использовать. Не только фиксировать. Не только лезть в чужую структуру под видом безопасности.

Учить.

И это делало её опаснее.

Потому что чистое зло удобно ненавидеть. Оно не даёт тебе упражнений, которые помогают понять собственный дар.

После модуля нас отпустили на обед. Если это можно было назвать обедом. В Мариане еда была такой же, как всё остальное: сбалансированной, функциональной и слегка подозрительной. На подносе лежала рыба, рис, зелёные водоросли и что-то белое, что могло быть соусом, лекарством или моральной проверкой.

Тимур сел напротив меня и ткнул вилкой в белое.

— Если я умру, скажи, что это было ради науки.

— Я скажу, что ты сам полез в неизвестную субстанцию без протокола.

— Жестоко.

— Реалистично.

Лиза села рядом, всё ещё слишком тихая. Она открыла блокнот, потом закрыла.

— Я не записала линии, — сказала она.

— И мир не рухнул, — ответил Зик.

— Пока.

— Лиза.

— Я знаю. Просто... неприятно.

Тина посмотрела на неё.

— Потому что если не записываешь, кажется, что предаёшь.

Лиза кивнула.

Я вспомнила рыбку Сони. Светлую, кривую, уходящую к воде. Вспомнила страницу с её именем. Вспомнила, что не всё можно удержать записью.

Лиза тоже это помнила.

И Мариана уже это увидела.

— Они будут давить туда, где больно, — сказал Тобиас вдруг.

Все посмотрели на него.

Он ел медленно, как человек, который воюет не с едой, а с мыслью.

— Не специально, может быть. Но будут. Потому что там дар сильнее реагирует.

— Да, — сказала Тина.

— Вот и всё.

— Не всё, — сказал Тимур. — У нас ещё есть белый соус неизвестной политической ориентации.

Тобиас посмотрел на него.

И вдруг улыбнулся.

Очень слабо.

Но достаточно.

Тимур тоже улыбнулся, а потом увидел мой взгляд.

— Что?

— Ничего.

— У тебя опять лицо.

— У меня много лиц. Я коллекционирую.

— Это было лицо «не превращайте Тимура в функцию».

Я замерла.

Он сказал это тихо. Так, что услышала только я.

— Ты не обязан быть функцией, — сказала я.

— Знаю.

— Нет, Тимур. Серьёзно.

Он перестал улыбаться.

На секунду стал очень взрослым. Непривычно.

— Я знаю, Кан.

— Они будут называть это красиво.

— Пусть попробуют. У меня иммунитет к красивым словам после первого курса.

Я хотела сказать что-нибудь язвительное.

Не получилось.

Потому что он опять был рядом так, будто это просто. Не подвиг. Не обещание умереть на фоне красивой воды. Просто человек, который видит, что у тебя внутри снова начинает стучать тревога, и пододвигает тебе стакан.

— Пей, — сказал он. — Ты злишься на сухую.

— Это медицинский факт?

— Мой личный исследовательский вывод.

— Осторожно. Так становятся кураторами.

— Никогда. У меня слишком красивая душа для отчётности.

Я всё-таки выпила.

Вода была обычной.

Наверное.

В Мариане я уже ничему не доверяла полностью.

После обеда нас не сразу отпустили в блок. Мариана, видимо, решила: если группа уже слегка травмирована полезным знанием, самое время закрепить результат дополнительным упражнением.

Доктор Лисицкая перехватила нас у выхода из столовой. Рядом с ней стоял ассистент с переносной панелью, на которой мягко пульсировали шесть маленьких точек — по одной на каждого из нас. Моя точка, конечно, была не маленькой и не мягкой. Она светилась белым с тонкой синей каймой и выглядела как графическое обозначение «лучше не трогать, но мы всё равно потрогаем».

— Аверьянов, — сказала Лисицкая, — если вы согласны, я хотела бы провести короткое наблюдение без активации дара.

Тимур поднял брови.

— Доктор, я с утра только этим и занимаюсь. Без активации дара выгляжу потрясающе.

— Речь о пассивном присутствии в группе.

— А, то есть я должен просто стоять рядом и быть собой?

— Если вам комфортна такая формулировка.

— Она подозрительно приятная.

Я шагнула вперёд раньше, чем успела подумать.

— Что значит «наблюдение»?

Лисицкая посмотрела на меня. Не раздражённо. Внимательно.

— Пять минут в открытой зоне. Без камер давления. Без индивидуальной стимуляции. Мы фиксируем только общий эмоционально-магический фон группы в состоянии ожидания.

— То есть вы создаёте ситуацию, где он стоит рядом, а мы нервничаем, и смотрите, станет ли нам легче.

— Да.

Опять честный ответ.

Я уже начинала подозревать, что Мариана специально наняла несколько честных людей, чтобы злиться было сложнее.

— А если станет легче?

— Мы отметим реакцию.

— И?

— Ничего не будем делать без повторного согласия студента.

— Слова дешёвые.

— Да, — сказала Лисицкая. — Поэтому я предлагаю провести наблюдение здесь, в присутствии группы, профессора Рей и без закрытия протокола от студенческого доступа.

Зик сразу поднял голову.

— То есть мы сможем увидеть запись?

— Сможете увидеть общую запись без персональных медицинских данных.

— А сырые значения?

— Нет.

— Почему?

— Потому что сырые значения без интерпретации вызовут у вас больше тревоги, чем пользы.

— Это вы так думаете.

— Это я знаю по студентам, которые пытались интерпретировать сырые значения до вас.

— Они умерли? — спросил Тимур.

— Нет.

— Скучно.

— Но один написал тридцатистраничную жалобу на собственную амплитуду.

Тимур оживился.

— Зик, не смотри так вдохновенно.

Зик действительно смотрел вдохновенно.

Рей подошёл со стороны коридора. Видимо, его тоже позвали, или он просто возник там, где система начинала слишком активно интересоваться его студентами. Очень удобная способность. Хотелось оформить в отдельный протокол: «Рей появляется при повышении уровня административной мерзости».

— Согласие есть? — спросил он.

— Запрашивается, — сказала Лисицкая.

Рей посмотрел на Тимура.

Не на меня. Не на Киру Кан, которая уже стояла в режиме маленькой переносной войны. На Тимура.

Правильно.

— Аверьянов?

Тимур покачал стакан с водой.

— Если я скажу нет, это будет записано как избегание?

— Может быть отмечено как отказ от добровольного наблюдения, — ответила Лисицкая.

— А по-человечески?

Она чуть помолчала.

— По-человечески — вы имеете право не хотеть, чтобы на вас смотрели.

У Тимура дрогнуло лицо. На секунду. Потом он улыбнулся.

— Вот чёрт. Хороший ответ. Ненавижу хорошие ответы, они мешают драматично хлопнуть дверью.

— Тимур, — сказала я тихо.

Он посмотрел на меня.

— Кан, если я соглашусь, это не значит, что они меня забрали.

— Я знаю.

— Не похоже.

— Я учусь.

— Пугающее заявление. Запишите кто-нибудь.

Лиза уже открыла блокнот.

— Я записала.

— Предатели вокруг.

Он повернулся к Лисицкой.

— Пять минут. В открытой зоне. Группа видит общую запись. Без закрытых камер и без «а теперь повторим при стрессе».

— Согласна, — сказала Лисицкая.

— И без формулировки «пассивный стабилизатор».

— В предварительной записи я могу использовать «групповое присутствие с выраженным снижением тревожной амплитуды».

— Звучит всё ещё как мебель, но уже дорогая.

— Тимур, — сказала Лиза.

— Ладно. Пишите: «Аверьянов Тимур. Стоял рядом. Все немного меньше хотели умереть». Кратко, честно, художественно.

Лисицкая впервые улыбнулась по-настоящему.

Наблюдение прошло в боковой зоне столовой, где вместо стеклянной стены был широкий полукруглый иллюминатор. За ним плавали маленькие существа, похожие на синие запятые. Мы стояли без платформ, без чаш, без камер. Просто группа, которой сказали «ведите себя естественно», что, как известно, лучший способ полностью забыть, как это делается.

— Ненавижу естественность по приказу, — сказала я.

— Это не приказ, — сказала Лисицкая.

— Ещё хуже. Теперь я сама ответственна за свою неестественность.

Тимур стоял рядом. Не в центре. Не как экспонат. Он специально отошёл к стеклу и сделал вид, что рассматривает синие запятые.

— Смотрите, — сказал он. — Они похожи на знаки препинания, которые сбежали из отчёта Велеса.

Лиза фыркнула.

Тина выдохнула.

Тобиас перестал сжимать плечи.

Зиковы пальцы, барабанившие по ремешку браслета, остановились.

Я почувствовала это раньше, чем увидела на панели.

Не магию в привычном смысле. Не волну. Не тепло. Не защиту.

Просто в комнате стало чуть больше места для дыхания.

Как будто кто-то не снял страх, а напомнил ему: ты можешь стоять в углу, не обязательно лезть на стол.

Лисицкая смотрела на общий график.

На нём шесть линий колебались не синхронно. У каждого была своя. Лиза — резкие маленькие пики. Тина — тонкая ровная линия, которая дрожала при приближении чужих эмоций. Тобиас — тяжёлые всплески, которые начинались раньше слов. Зик — нервная частая пила. Моя линия — белая, странная, уходящая куда-то вниз, за пределы экрана.

И рядом с ними линия Тимура.

Она не накрывала остальные.

Не управляла.

Просто была устойчивой.

И когда он говорил, остальные линии не становились послушными. Они оставались нашими. Но пики переставали рваться вверх.

— Это не контроль, — сказала Тина.

Лисицкая посмотрела на неё.

— Да.

— Он не сглаживает.

— Да.

— Он оставляет реакцию, но снижает одиночество.

Тимур резко повернулся.

— Тина, пожалуйста, не говори так красиво при научных людях. Они сейчас это украдут. Лисицкая уже записывала.

— Поздно, — сказала я.

Тимур схватился за сердце.

— Меня обокрали метафорически.

Но теперь я злилась меньше.

Не потому что перестала бояться. А потому что увидела разницу.

То, что делал Тимур, не было поводом. Не было приказом. Не было чужой рукой на твоём страхе. Он не забирал реакцию, не выравнивал нас до удобной линии, не делал людей тихими.

Он просто был рядом так, что реакция переставала быть единственным местом в мире. И это, к сожалению, тоже было знанием.

Полезным.

Мариана снова выиграла маленькую мерзкую победу: показала правду, которую нельзя просто выбросить.

Когда пять минут закончились, Лисицкая закрыла панель.

— Спасибо, — сказала она Тимуру.

— Я предпочитаю булочки.

— Я не имею допуска к булочкам.

— Тогда ваша благодарность пока условно принята.

Рей стоял чуть в стороне и смотрел на график уже после отключения. Потом перевёл взгляд на меня.

— Видишь?

— Что?

— Не всякое наблюдение — использование.

— Да, — сказала я. — Но всякое использование когда-то начиналось с наблюдения.

Рей ничего не ответил.

Потому что это тоже было правдой.

И мы оба её ненавидели.

Перед тем как мы ушли, Лисицкая отправила общий график в студенческий доступ. Не полный, конечно. В Мариане «доступ» всегда означал «мы открыли вам ровно столько, чтобы вы чувствовали себя участниками процесса, но не настолько, чтобы испортить нам праздник». И всё равно это было больше, чем давали в Бермудском корпусе.

На экране наши линии выглядели странно живыми. Не как оценки. Не как диагнозы. Как следы того, что мы действительно стояли рядом и оставались разными.

Я поймала себя на том, что смотрю на график не с ненавистью.

Очень неприятный момент.

— Не радуйся, — сказала я себе.

Тимур услышал.

— Я не радуюсь. Я гордо принимаю роль дорогой мебели с человеческими правами.

— Это хуже.

— Зато прогресс.

А прогресс в Мариане, как выяснилось, был самым подозрительным видом ловушки: ты делаешь шаг вперёд и только потом проверяешь, не подписал ли этим согласие на следующий эксперимент.

Вечером Ардова прислала нам предварительные выдержки из профилей. Не полные отчёты — «учебные фрагменты для самоанализа». Конечно, именно так. Нельзя же просто написать: «Вот что мы уже решили о вас, приятного вечера».

Мы собрались в общей зоне блока. За стеклом плавали тонкие светящиеся существа, похожие на обрывки лунного света. В центре комнаты горел низкий стол. На нём лежали планшеты с нашими фрагментами.

— Открывать одновременно? — спросил Зик.

— Это звучит как начало групповой травмы, — сказала я.

— То есть да, — сказал Тимур.

Мы открыли.

Мой фрагмент был ожидаемо отвратительным:

Кан Кира Юрьевна. Нестандартный береговой профиль. Реакция на глубинное давление: несимметричная. Контур проявляет свойства медиативной границы между внешним биомагическим полем и внутренним даровым откликом. Рекомендуется осторожное расширение наблюдения. Высокий риск ошибочной самофункционализации.

— Самофункционализации? — прочитала я вслух. — Прекрасно. Теперь у меня есть слово для тех случаев, когда я сама превращаю себя в инструмент. Очень удобно. Можно вышить на подушке.

Лиза читала свой фрагмент молча. Потом сказала:

— У меня «фиксационная реакция на утрату идентификатора».

— Красиво, — сказал Тимур. — Звучит как дорогой диагноз у людей с плохим почерком.

Тина посмотрела свой планшет.

— «Гранично-эмпатический контур».

— Это плохо? — спросил Тобиас.

— Это значит, что они поняли: я чувствую, где заканчиваюсь я и начинается чужое давление.

— И?

— И теперь им интересно.

Тобиас поморщился.

— У меня «опережающая силовая реакция».

— Могло быть хуже, — сказал Зик.

— Как?

— «Дверь с ногами».

Тобиас посмотрел на него.

— Не смешно.

— Я знаю. Поэтому не отправляй им как вариант.

Зик прочитал свой фрагмент и тихо сказал:

— У меня «модельная гиперкомпенсация тревоги».

— Зик, — сказала Лиза.

— Нормально. Это почти комплимент. Почти.

Тимур не открывал планшет.

Я заметила сразу.

— Тимур.

— Я наслаждаюсь неизвестностью.

— Ты боишься.

— Я эстетически откладываю.

— Открывай.

Он открыл.

Сначала улыбка осталась.

Потом стала тоньше.

Потом исчезла.

Я наклонилась ближе.

На экране было всего несколько строк:

Аверьянов Тимур. Социально-эмоциональный отклик с признаками групповой стабилизации. При пассивном присутствии наблюдается снижение стрессовой амплитуды у нестабильных профилей. Рекомендуются дальнейшее наблюдение в совместных модулях. Потенциальный стабилизирующий фактор для нестабильных профилей.

В комнате стало тихо.

Не морской тишиной.

Нашей.

Тимур первым усмехнулся.

— Ну вот. Я официально полезен. Мама бы гордилась, если бы не решила сначала спросить, почему меня классифицировали как мебель эмоционального комфорта.

Никто не засмеялся.

Он посмотрел на меня.

— Кан, не делай такое лицо.

— Какое?

— Как будто уже придумываешь, кого утопить.

— Не кого. Где.

— Это не лучше.

Я смотрела на строку.

Потенциальный стабилизирующий фактор.

Фактор.

Не человек, который шутит слишком много, ест сомнительный соус и подаёт воду, когда ты злишься. Не Тимур, который боится, что однажды его рядом не хватит, но всё равно стоит рядом. Не живой человек.

Фактор.

Как красиво.

Как безопасно.

Как удобно.

Браслет на моём запястье мигнул.

Я медленно накрыла его ладонью.

— Кира, — сказала Тина.

— Я спокойна.

— Нет.

— Ладно. Я функционально недовольна.

Тимур всё ещё смотрел на экран.

Улыбка вернулась. Почти прежняя. Слишком быстро.

— Всё нормально, — сказал он.

И именно тогда я поняла: нет.

Нормально не было.

Потому что Мариана нашла ещё одного человека, которого можно было назвать полезным.

И я слишком хорошо знала, что в этой школе делают с полезными людьми.

Глава 5. Максимум

Утро в Мариане началось с того, что браслет решил разбудить меня раньше будильника. Не звонком. Не вибрацией. Нет, это было бы слишком честно.

Он просто начал мягко светиться на запястье, как маленький официальный паразит, уверенный, что имеет право на моё утро. Сначала я подумала, что мне снится очередная глубоководная мерзость: светящаяся медуза, которая получила административные полномочия. Потом открыла глаза, увидела собственную руку и поняла: нет, всё хуже. Это реальность.

На прозрачной панели рядом с кроватью проявилось расписание.

07:00 — подъём.

07:20 — восстановительная гидратация.

07:40 — завтрак.

08:15 — инструктаж по внутренним маршрутам.

09:00 — модуль адаптации дара.

11:30 — индивидуальные корректировки профиля.

13:00 — обед.

14:00 — синхронизация браслета.

16:00 — практикум контроля проявления.

19:00 — ужин.

20:00 — свободное время в разрешённых зонах.

Свободное время в разрешённых зонах.

Какая щедрость. Почти как тюрьма, которая заботливо предлагает прогулку по графику.

Я села на кровати и некоторое время смотрела на расписание так, будто оно могло само понять, насколько отвратительно. Оно не поняло. Марианские интерфейсы вообще были плохо воспитаны: показывали информацию, светились красивым голубым, не испытывали стыда.

За стеклом комнаты была чёрная вода.

Не вид на океан. Не пейзаж. Не то, что можно назвать «красиво» и успокоиться. Просто огромная толща темноты, прижатая к стеклу так близко, будто вся Мариана была пузырьком воздуха в чужой ладони.

Где-то далеко вспыхнула точка света. Потом ещё одна. Маленькое существо проплыло мимо, вытянув за собой прозрачные нити. Оно было похоже на мысль, которая не захотела оставаться в голове.

Я подняла руку.

Узор на предплечье был тусклым. После вчерашнего он не погас полностью, только спрятался под кожу. Браслет, конечно, висел рядом и выглядел так, будто очень хочет всё прокомментировать.

— Доброе утро, доносчик, — сказала я.

Браслет мигнул.

— Не обольщайся. Это не дружба.

В общей зоне почти все собрались. Лиза сидела у стола с блокнотом, планшетом и выражением человека, который пытается организовать хаос, пока хаос не организовал её. Тина стояла у стекла и смотрела в воду так спокойно, будто они с бездной договорились не делать резких движений до кофе. Тобиас проверял крепления на рукавах нового исследовательского костюма. Зик ковырялся в меню браслета и выглядел так, будто браслет уже пожалел о знакомстве.

Тимур лежал на диване лицом вниз.

— Жив? — спросила я.

— Нет, — сказал он в подушку. — Передайте моим кураторам, что стабилизирующий фактор временно покинул тело.

Лиза подняла глаза.

— Не шути так.

Тимур перевернулся на спину.

— Ладно. Передайте, что стабилизирующий фактор требует булочку.

— Булочка не входит в восстановительную гидратацию, — сказал Зик, не отрываясь от браслета.

— Зик, я сейчас восстановительно гидратирую тебя в ближайший фонтан.

— В Мариане нет фонтанов.

— Это не остановит творческого человека.

Я села рядом с Тимуром и ткнула его носком ботинка в голень.

— Ты правда нормально?

Он открыл один глаз.

— Кан, если ты будешь спрашивать меня это каждые пятнадцать минут, я начну отвечать экспериментально.

— Уже начал.

— Тогда да. Я нормально. Мне прислали отчёт, где меня назвали эмоциональной мебелью, я пережил лёгкий кризис самоидентификации, поспал четыре часа и теперь готов служить отечественной науке в роли дивана.

— Тимур.

Он вздохнул и сел.

— Я не знаю, нормально ли. Но я не разваливаюсь. Пока. И я не собираюсь позволять им делать из меня штуку, которую ставят рядом с нестабильными подростками для снижения уровня паники.

— Хорошо.

— Хотя, если за это будут доплачивать булочками...

— Тимур.

— Всё, молчу.

Не молчал, конечно. Люди вроде Тимура не молчат. Они просто временно переводят шум в выражение лица.

Перед выходом Лиза разложила на столе наши утренние уведомления и объявила, что у нас есть пять минут на коллективное осознание абсурда.

— Почему пять? — спросил Тимур.

— Потому что через шесть нас начнут искать.

— Обожаю точность в обречённости.

Уведомления были разные, но одинаково неприятные. У Лизы — напоминание о добровольной фиксации эмоционального дискомфорта после контакта с именами. У Тины — предложение пройти короткий модуль по границам поддержки. У Тобиаса — предупреждение о необходимости заранее сообщать о силовых всплесках. У Зика — просьба не вмешиваться в диагностический интерфейс браслета без разрешения куратора.

— Ты вмешивался? — спросила Лиза.

— Я исследовал.

— Это слово здесь опаснее, чем «вмешивался».

— Я аккуратно исследовал.

— Зик.

— Ладно. Я нашёл только меню, в котором видно, какие категории данных он собирает.

— И? — спросила я.

Зик помолчал.

— Лучше бы не находил.

Это был очень плохой ответ.

Мы все посмотрели на свои браслеты.

Тонкие тёмные ремешки на запястьях. Не кандалы. Не цепи. Даже красивые, если забыть, что красота у технических средств контроля всегда была частью маркетинга.

— Что там? — спросил Тобиас.

— Физиология, магический фон, уровень отклика, отклонение от базового эмоционального состояния, реакция на давление, контакт с внешним биоконтуром, попытки самостоятельного снятия, попытки блокировки сигнала, синхронизация с группой...

— Стоп, — сказала Тина.

— Что?

— Синхронизация с группой?

Зик кивнул.

— Похоже, браслеты не только индивидуальные. Они видят, как мы друг на друга влияем.

Тимур поднял руку.

— Я официально не люблю этот пункт.

— Никто не любит, — сказала я.

— Нет, я особенно. У меня теперь любое «сел рядом» может стать данными.

Он сказал это легко, но я услышала не лёгкость.

И вот так Мариана опять выиграла: заставила нас думать о каждом жесте как о возможной записи. О том, как сидим, кому подаём воду, кто кого смешит, кто кого успокаивает. Система ещё ничего не сделала, а уже заставила дружбу смотреть на себя со стороны.

— Тогда договор, — сказала Тина.

Мы повернулись к ней.

— Если кто-то помогает, это не значит, что он обязан помогать дальше. Если кто-то принимает помощь, это не значит, что он становится объектом. Если браслеты записывают нашу связь, это не делает связь их собственностью.

Лиза медленно записала.

— Хорошо сказано.

— И ещё, — добавил Тимур. — Если я шучу, это не всегда стабилизация. Иногда я просто несу чушь.

— Записала, — сказала Лиза.

— Формулировка?

— «Чушь не является автоматическим терапевтическим действием».

Тимур положил руку на сердце.

— Это, возможно, лучший эпитафия к моей жизни.

Я рассмеялась.

Не сильно. Но по-настоящему.

Браслет мигнул.

— Не смей, — сказала я ему. — Это было моё.

И, кажется, именно с этим маленьким смешком мы вышли в коридор: не победив Мариану, не став свободными, но хотя бы напомнив себе, что не всё, что между нами происходит, принадлежит её отчётам.

На инструктаж по внутренним маршрутам нас вёл Кристиан.

Это выяснилось уже после завтрака, когда мы вышли в коридор адаптационного сектора и увидели его у панели доступа.

Коридор за дверью жилого блока пах озоном, металлом и чем-то минеральным — как будто воздух здесь сначала пропускали через камень, потом через фильтр и только потом разрешали студентам дышать. Под потолком шли тонкие кабели, спрятанные в прозрачные каналы. В них двигались точки света. Я уже начинала подозревать, что если в Мариане есть тараканы, они тоже ходят по расписанию, с индивидуальными браслетами и научным куратором по бытовой устойчивости.

— Ты опять смотришь на стены так, будто они виноваты, — сказал Тимур.

— Они часть системы. Пусть привыкают к коллективной ответственности.

— Стена, держись, — сказал он в сторону панели. — Кан пришла с претензией.

Панель, к счастью, не ответила. Но я бы не удивилась, если бы где-нибудь в отчёте появилась строка: «Студентка Кан демонстрирует тенденцию к конфликтному взаимодействию с архитектурой».

И знаете что? Я бы даже не спорила. Архитектура Марианы первая начала. Нормальные стены не делают вид, что они просто стены, пока собирают твой пульс, страх и отношение к слову «добровольно».

А здешние именно так и делали. Очень вежливо, очень дорого и очень раздражающе.

И, конечно, по расписанию.

Чёрная исследовательская форма сидела на Кристиане так, будто Мариана проектировала одежду специально для людей, которые хотят выглядеть безупречно даже на дне мира. Волосы он действительно отрезал короче: пепельные пряди больше не падали до плеч, не собирались в привычный низкий пучок. Теперь они были аккуратно убраны назад, чуть растрёпаны только у висков. Лицо от этого стало строже.

И моложе.

Нет, не так.

Не моложе.

Открытее.

Как будто раньше длинные волосы были ещё одной красивой занавеской между ним и миром. Теперь занавеску отрезали, а мир, конечно, сразу полез смотреть.

Я не собиралась замечать.

Заметила.

Ненавижу глаза.

— Доброе утро, — сказал Кристиан.

— У нас оно под наблюдением, — ответила я. — Так что осторожнее с оценками.
Он посмотрел на мой браслет.

— Браслеты фиксируют всплески, но не содержание фраз.

— Ты сейчас пытаешься меня успокоить или дать инструкцию, как эффективнее хамить системе?

— Второе полезнее.

Тимур тихо присвистнул.

— Вот это сервис. Ассистент, который учит обходить браслеты. Мне начинает нравиться второй курс.

Кристиан посмотрел на него.

— Я не учу обходить. Я объясняю ограничения.

— Разница тонкая, но юридически вкусная.

— Аверьянов, — сказал Кристиан.

— Да, да. Не привлекать внимание к стабилизирующему фактору. Уже учусь быть мебелью без скрипа.

Кристиан на секунду задержал на нём взгляд.

Очень коротко.

Но я увидела.

Его лицо почти не изменилось. Только вокруг глаз стало чуть жёстче.

Он понял строку из отчёта без объяснений.

Конечно, понял.

Мариана уже когда-то называла его похожими словами.

— Не используйте их формулировки про себя, — сказал он.

Тимур поднял брови.

— Это ты мне?

— Всем.

— Принято. Буду называть себя исключительно легендой.

— Это тоже формулировка.

— Зато моя.

Кристиан не ответил. Просто приложил ладонь к панели, и стена перед нами раскрылась. Маршрутный инструктаж оказался не экскурсией, а списком способов не умереть.

— Адаптационный сектор — здесь, — сказал Кристиан, когда мы вышли в прозрачную галерею. За стеклом уходила вниз темнота, прорезанная огнями станции. — Жилые блоки второго курса занимают три верхних уровня. Учебные модули — ниже. Медицинский контур — справа от центральной шахты. Столовая, зоны отдыха и гидрокапсула — на одном давлении. Без допуска не пользоваться лифтами с красной маркировкой.

— Потому что они ведут в секретные лаборатории? — спросила я.

— Потому что они ведут в сектора с другим давлением.

— То есть в секретные лаборатории с другим давлением.

— Иногда.

Лиза сразу записала.

Кристиан заметил.

— Не записывай слово «секретные».

— Почему?

— Потому что если твой блокнот проверят, это будет выглядеть как намерение.

— А если я напишу «потенциально не публичные»?

— Лучше.

— Боже, — сказал Тимур. — У нас появился консультант по бюрократическому подполью.

— Лучше, чем попасть в отчёт как студентка, проявившая интерес к закрытым зонам, — сказал Кристиан.

— А если я проявляю интерес ко всему зданию? — спросила я.

— Тогда проявляй его внутри разрешённой терминологии.

— Ты слышишь себя?

— Да.

Он сказал это так спокойно, что мне стало неприятно.

— И тебя это не пугает?

Кристиан остановился у развилки.

Коридор расходился на три рукава. Левый был обычным: стекло, свет, указатели. Правый шёл вдоль внешней стены, где за толстым стеклом плавали длинные светящиеся рыбы. Средний уходил к лифтовой шахте, возле которой горела тонкая красная линия.

— Пугает, — сказал он.

Не громко. Так, что услышала только наша группа.

— Но это работает.

— Что именно?

— Говорить так, чтобы система не могла доказать, что ты сопротивляешься.

Вот оно.

Не совет.

Шрам.

Я посмотрела на него. Кристиан уже отвернулся к панели, но я видела, как его пальцы на секунду сжались. Копья при нём не было: для маршрута его оставили в артефактном боксе под наблюдением Рея.

— Так я выживу? — спросила я.

Он повернулся.

— Да.

— А останусь собой?

Кристиан молчал слишком долго.

Тимур, рядом со мной, перестал улыбаться.

— Это уже другой вопрос, — сказал Кристиан.

Вот так.

Без красивой упаковки.

Без «я не это имел в виду».

Без «конечно останешься».

Иногда честность звучит не как доверие, а как холодная вода за шиворот.

— Спасибо, — сказала я. — Очень вдохновляющий лозунг для второго курса. Можно повесить над входом: «Мариана. Выживешь. Остальное не гарантируем».

— Я не говорю, что нужно становиться удобной.

— Нет, ты просто объясняешь, как выглядеть достаточно удобной, чтобы тебя не разобрали.

— Да.

Он снова не смягчил.

И это почему-то злило сильнее.

Потому что спорить с ложью проще, чем с правдой, которая тебе не нравится.

— Кан, — сказал Тимур тихо, — у тебя опять лицо.

— Сейчас оно заслуженное.

— У него, кажется, тоже.

Я посмотрела на Кристиана.

Да.

У него тоже было лицо. Не холодное, не ллойдовское, не идеально выученное. На секунду оно стало почти усталым. Человеческим.

Потом исчезло.

— Идём дальше, — сказал он.

Он показал нам маршруты до учебных модулей, медицинского сектора и столовой. Показал, где камеры наблюдения не пишут звук, но пишут биометрические изменения. Где браслеты автоматически передают тревогу куратору. Где можно говорить, если нужно обсудить что-то не для протокола: шумовой коридор возле гидронасосов, галерея с внешними фильтрами, зона обслуживания у старой вентиляции.

— Ты знаешь это потому, что был здесь студентом? — спросила Лиза.

— Да.

— Или потому, что был Ллойдом?

Кристиан остановился.

Лиза побледнела, но не отступила.

Я почти восхитилась. Лиза вообще была мягкой только до того момента, пока речь не заходила о правде. Потом мягкость у неё превращалась в тонкий нож.

— И то и другое, — ответил Кристиан.

— Что из этого опаснее?

— Сейчас? То, что я помню слишком много правил и слишком мало причин, почему их выполнял.

Лиза ничего не записала.

И я заметила.

У красной шахты Кристиан задержался дольше всего.

Красная линия вокруг лифтовой двери не мигала, не пульсировала и не пыталась выглядеть драматично. Она просто горела ровно. В этом было что-то особенно неприятное. Опасность, которая не суетится, всегда выглядит увереннее.

— Нижние уровни? — спросила Лиза.

— Часть нижних уровней, — ответил Кристиан.

— Какая часть?

- Та, о которой тебе лучше не спрашивать в коридоре с открытыми датчиками.
- А где спрашивать?
- Нигде, пока не поймёшь, зачем спрашиваешь.

Лиза нахмурилась.

— Это звучит как запрет.

— Это звучит как правило выживания.

— Удобная подмена.

— Да.

Он снова согласился.

Лиза замолчала не потому, что проиграла. Потому что поняла: Кристиан не спорит с её подозрением. Он просто сообщает, что подозрение тоже нужно уметь носить, чтобы оно не стало поводом для тех, кто ждёт резкого движения.

Мы пошли дальше по галерее.

— В Мариане есть три типа опасных мест, — сказал Кристиан. — Первые — те, куда нельзя заходить, потому что там действительно можно погибнуть. Давление, артефактные поля, внешние шлюзы, нестабильные переходы.

— Приятная категория, — сказал Тимур. — Честная.

— Вторые — те, куда нельзя заходить, потому что там информация, которую система не хочет показывать студентам.

— Уже теплее, — сказала я.

— Третьи — те, куда нельзя заходить, потому что, если ты зайдёшь, система будет считать, что ты готов к следующему уровню.

Зик поднял голову.

— То есть сам факт доступа используется как согласие?

Кристиан посмотрел на него.

— Иногда.

Мы остановились все сразу.

Даже Тимур.

— Прекрасно, — сказала я. — Новый любимый жанр: архитектурное согласие.

— Поэтому не открывайте двери из любопытства.

— Это оскорбление всего моего характера.

— Да.

— Ты мог бы хотя бы сделать вид, что сомневаешься.

— Не здесь.

Опять это «не здесь». В Мариане оно становилось почти отдельным знаком препинания. После каждой фразы — не здесь. После каждого вопроса — не сейчас. После каждой правды — не в этом коридоре.

— Как ты вообще тут выжил? — спросил Тимур.

Кристиан не ответил сразу.

Мы шли по прозрачному переходу между двумя вертикальными модулями. Внизу под нами не было пола в привычном смысле — только стекло, металлические рёбра и темнота, уходящая настолько глубоко, что мозг отказывался считать. Слева светились лаборатории. Справа плавали существа, похожие на длинные белые ленты.

— Я был удобным, — сказал Кристиан наконец.

Никто не пошутил.

Он говорил ровно. Даже слишком ровно.

— На втором курсе это кажется зрелостью. Ты не споришь. Выполняешь инструкции. Не показываешь лишнего. Не срываешься, когда куратор провоцирует. Не задаёшь вопросов, на которые тебе всё равно не ответят. Не пишешь в отчётах правду, если правда звучит как эмоциональная реакция. Через какое-то время тебя начинают считать стабильным.

— А ты? — спросила Тина.

— Я тоже.

Вот тут мне стало совсем нехорошо.

Не потому что он признал ошибку. А потому что сказал это без защиты.

Кристиан Ллойд, который умел носить вину как дорогой чёрный костюм, на секунду выглядел человеком, нашедшим старую фотографию и понявшим, что улыбается там не потому, что счастлив, а потому что его хорошо научили.

— Стабильность — любимое слово вашего рода? — спросила я.

— Одно из.

— Остальные: долг, порядок, наследование и «ты ещё поймёшь»?

— Примерно.

— Фу.

— Согласен.

Это было невыносимо.

Я даже злиться нормально не могла, потому что он зачем-то стал отвечать правду.

— Тогда почему ты всё ещё говоришь нам вести себя удобно?

Кристиан остановился возле боковой ниши. За стеклом ниши висела карта станции, но не общая, а техническая: линии давления, маршруты, аварийные контуры. Он коснулся двух пальцев, и часть карты исчезла. Остались только разрешённые зоны.

— Потому что сначала нужно остаться достаточно свободными, чтобы выбрать момент сопротивления.

— А кто решит, какой момент правильный?

— Вы.

— Удобный ответ.

— Нет. Страшный.

Он посмотрел прямо на меня.

— Если я начну решать за вас, я стану тем, от чего пытаюсь вас предупредить.

Я замолчала.

Ненадолго. У меня всё-таки были принципы.

— Это было почти мудро. Не повторяй, а то начну ждать от тебя лекций.

— Поздно, — сказал Тимур. — Он уже читает курс «Как выжить в лаборатории и не стать экспонатом». Очень прикладная дисциплина.

— С практикой, — добавил Зик.

— И зачётом в виде отсутствия новых травм, — сказала Лиза.

Тобиас мрачно посмотрел на красную шахту, которая осталась за поворотом.

— Мне не нравится, что в этой школе отсутствие травм звучит как высокий балл.

— Добро пожаловать на второй курс, — сказал Кристиан.

Слишком тихо.

И я впервые подумала: для него это действительно было возвращение.

Не в корпус.

В состояние.

В способ дышать, где каждый вдох должен быть правильным.

Я не знала, что с этим делать.

Поэтому, разумеется, сказала гадость.

— Если ты снова начнёшь быть идеально стабильным, я буду портить тебе статистику.

Он посмотрел на меня.

— Обещание?

— Угроза.

— В вашем исполнении разница часто декоративная.

Тимур кашлянул.

— Простите, я должен был присутствовать при этом обмене почти-флиртом или мне отвернуться в образовательных целях?

— Это не флирт, — сказали мы с Кристианом одновременно.

Тимур поднял руки.

— Конечно. Это агрессивный обмен профилактическими мерами. Я понял.

И почему-то именно после этого стало легче.

Не безопасно.

Легче.

После маршрутов нас отправили на модуль адаптации дара. Уже без группового круга и без чаш. На этот раз — практикум контроля проявления в малых камерах.

До практикума оставалось сорок минут, и Кристиан исчез в артефактный сектор — «проверить выдачу копья». Фраза прозвучала так, будто копьё было не потенциально заражённым приказом оружием, а учебником, забытым в библиотеке.

Нас отправили в боковую зону ожидания.

Зона ожидания в Мариане выглядела как дорогой салон для людей, которым сейчас будут объяснять, почему их тревога недостаточно обоснована. Низкие диваны, тёмное стекло, вода за стеной, автомат с напитками, где вместо нормального какао был «минеральный белково-водорослевый комплекс».

— Я скучаю по столовой Бермудского корпуса, — сказал Тимур, глядя на автомат. — А там однажды суп попытался сбежать.

— Он не сбежал, — сказала Лиза. — Он реагировал на ложку.

— Все мы реагируем на ложку по-разному.

Я села на край дивана. Рядом плюхнулся Тимур. Не слишком близко. Как всегда теперь — достаточно близко, чтобы быть рядом, и достаточно далеко, чтобы не стать функцией.

Я это заметила.

И это было хуже, чем если бы не заметила.

— Ты специально? — спросила я.

— Что?

— Садись так.

Он посмотрел на расстояние между нами. Потом на меня.

— Может быть.

— Почему?

— Потому что ты теперь смотришь на каждую поддержку как на потенциальную ловушку. И я не хочу, чтобы тебе приходилось каждый раз решать, спасаю я тебя или система уже повесила на меня табличку.

Вот за это Тимура иногда хотелось ударить.

Не сильно.

Так, символически.

Потому что он неожиданно говорил именно туда, где у меня не было сарказма.

— Ты слишком умный для человека, который угрожал утопить Зика в фонтане, которого не существует.

— Я многослоен.

— Как сомнительный лабораторный соус.

— Вот это уже обидно.

Мы немного помолчали.

За стеклом проплыли две светящиеся ленты. Одна догнала другую, переплелась, потом обе исчезли вниз. В Мариане даже медузы выглядели так, будто знают, куда идут. Завидная уверенность для существ без расписания.

— Ты правда не боишься повторного модуля? — спросила я.

— Боюсь.

Он ответил сразу.

Без шутки.

Я повернулась.

— Тогда почему делаешь вид?

— Потому что если я начну бояться громко, ты начнёшь защищать меня от всего корпуса, Лиза начнёт записывать признаки моей обречённости, Тобиас встанет между мной и ближайшей стеной, Тина начнёт проверять границы, Зик построит модель катастрофы, а Рей молча устроит административный переворот.

— В целом план неплохой.

— Да, но у меня были другие планы на вечер.

— Какие?

— Пожить.

Снова.

Туда же.

Прямо под рёбра.

Я посмотрела на свои руки. Браслет. Светлая линия под кожей. Ремни на костюме. Всё это делало меня похожей на человека, подготовленного к опасности. Смешно. Никакая одежда не готовит к тому, что друг спокойно говорит: «я боюсь, но хочу пожить, не становясь вашей общей тревогой».

— Хороший план, — сказала я.

— Я стараюсь иногда выдавать годные.

— Иногда.

— Не порть момент.

— Он и так подозрительно живой.

Тимур улыбнулся.

Улыбка была тёплой. Не сияющей, не героической. Просто его. И в этой подводной лаборатории, где всё хотели измерить, она казалась почти незаконной.

Я вдруг подумала, что с ним рядом действительно можно быть не профилем.

Не берегом.

Не девочкой с солью в крови.

Не проблемой Кан.

Просто Кирой, у которой плохой день, плохие шутки и плохое отношение к браслетам.

Мысль была опасной.

Не потому что романтической. Нет. Пока это было даже не про романтику. Это было про возможность существовать без задачи.

А возможности в моей жизни обычно быстро становились чьим-нибудь планом.

— Кан, — сказал Тимур.

— Что?

— Не думай так громко.

— Я молчу.

— У тебя молчание как сирена тревоги. Очень выразительное.

— Я думала, ты не стабилизатор.

— Я не стабилизатор. Я ценитель твоего лица.

— Слишком длинная должность.

— Зато без отчётов.

В этот момент браслет на его руке мигнул.

Тимур посмотрел на него.

— Видишь? Стоило сказать «без отчётов» — система обиделась.

На его экране появилась отметка:

ПОВТОРНЫЙ МОДУЛЬ ПЕРЕНЕСЁН.

ПРИЧИНА: НЕПОЛНАЯ ГОТОВНОСТЬ ГРУППОВОГО ФОНА.

Мы оба устали на фразу.

— Неполная готовность группового фона? — сказал Тимур.

— Кажется, это мы.

— Нас даже коллективно оскорбили.

Я хотела рассмеяться.

Но не успела.

Потому что на моём браслете вспыхнула другая отметка:

МОДУЛЬ КАН К. Ю. ОСТАЁТСЯ ПО РАСПИСАНИЮ.

— Конечно, — сказала я.

Тимур сразу стал серьёзным.

— Я пойду с тобой.

— Ты же сам только что говорил...

— Я пойду до двери.

— Тимур.

— Не как стабилизатор. Как человек, который идёт до двери.

И попробуй поспорь.

Очень раздражающая новая форма заботы.

Рабочая.

До двери модуля Тимур действительно дошёл со мной.

Не дальше.

Остановился у синей линии допуска, сунул руки в карманы и посмотрел на меня так, будто хотел сказать что-нибудь очень важное, но внутренний редактор вовремя поставил ему подножку.

— Что? — спросила я.

— Думаю, какую фразу выбрать: нормальную или такую, чтобы ты разозлилась и перестала бояться.

— Я не боюсь.

— Кан.

— Ладно. Боюсь, но функционально.

— Вот. Уже красиво. Значит, нормальная фраза: ты не обязана доказывать им, что достойна быть опасной.

Я посмотрела на него.

— Это была нормальная?

— По моим меркам — почти взрослая.

— Звучит подозрительно умно.

— Я иногда читаю не только меню.

Я хотела пошутить. Не получилось.

Потому что он попал точно. Мариана уже заставила меня хотеть показать, что я не слабая. Не испуганная девочка после Бермудского корпуса. Не «нестандартный береговой профиль», который нужно держать под расширенным наблюдением. Очень удобная ловушка: система ставит на тебе ярлык, а ты сама начинаешь работать, чтобы доказать, что ярлык недостаточен. И показываешь больше. Даёшь больше. Становишься понятнее.

Полезнее.

Я сжала пальцы.

— Ненавижу, когда ты говоришь правильные вещи.

— Я чередую, чтобы ты не привыкала.

— Спасибо.

— Ого. Сегодня прямо опасный день.

— Не порти.

Он улыбнулся и отступил.

— Я буду здесь.

— До двери?

— До двери.

Это почему-то помогло больше, чем если бы он сказал «я пойду с тобой».

Потому что иногда человек, который остаётся за дверью, но не исчезает, даёт больше свободы, чем тот, кто входит следом и называет это защитой.

Внутри модуля у панели уже стоял Кристиан.

Без копья.

Но с тем самым лицом, которое ему, наверное, выдавали вместе с доступом в Мариану: спокойное, внимательное, неуязвимое. Только теперь я знала, что это не лицо. Это режим энергосбережения души.

— Аверьянов остался у двери, — сказал он.

— Ты теперь следишь, кто меня провожает?

— Я слежу, кто может повлиять на результаты теста.

— Прозвучало мерзко.

— Да.

— Тогда зачем сказал?

— Потому что если это скажу не я, это скажет кто-нибудь за стеклом. А ты разозлишься сильнее.

— Я и так справляюсь.

— Вижу.

Он посмотрел на мой браслет.

Я накрыла его ладонью.

— Не смотри на него так, будто он сейчас напишет автобиографию.

— Он уже написал больше, чем должен.

— Ты знаешь, что значит фраза?

Кристиан замолчал.

Вот это молчание снова.

Я сделала шаг ближе.

— Ты вчера побледнел.

— Я часто бледнею. Семейная эстетика.

— Не воруи мои способы уклоняться.

— Тогда не задавай вопросы в комнате с активным протоколом.

— Опять «не здесь»?

— Да.

— Удобно.

— Безопасно.

Я тихо рассмеялась.

Плохо.

— Ты слышишь себя?

Он не отвёл взгляд.

— Каждый раз.

Вот так тоже нечестно.

Он должен был защищаться, злиться, говорить что-нибудь высокомерное, чтобы мне было проще держать дистанцию. А вместо этого стоял передо мной в чёрной форме Марианы,

с коротко отрезанными пепельными волосами и глазами человека, который прекрасно знает, что часть его слов пахнет клеткой.

— Кристиан, — сказала я тише. — Если ты понимаешь, почему продолжаешь?

— Потому что я знаю последствия, когда человек в Мариане говорит правду не там, не там и не в той форме.

— С тобой было так?

Он посмотрел на стеклянную камеру.

— Со всеми здесь было как-нибудь.

— Это не ответ.

— Это пока всё, что могу дать.

За стеклом Ардова подняла голову.

— Кира, мы готовы.

Кристиан отступил первым.

Но перед тем как уйти к панели, сказал почти беззвучно:

— Покажи меньше, чем хочется доказать. Но достаточно, чтобы знать самой.

Я осталась стоять посреди модуля и думать, что это, наверное, самый полезный и самый опасный совет, который мне здесь давали.

Потому что он не про Мариану.

Про меня.

Камеры были прозрачными.

Разумеется.

В Мариане даже одиночество должно было быть видимым.

Каждая камера представляла собой узкую овальную капсулу с полом из тёмного стекла и вертикальными линиями света на стенах. Снаружи — куратор, интерфейс и ассистент. Внутри — студент, браслет и собственная нервная система, которая, к сожалению, не подписывала отказ от участия.

— Задача простая, — сказала Ардова через динамик. — Не максимум. Не демонстрация. Контролируемый малый контур в течение трёх минут при изменении внешнего давления.

— «Не максимум» у вас звучит подозрительно, — сказала я.

— Это важное умение.

Кристиан стоял рядом с Ардовой за стеклом. Не вмешивался. Но смотрел так, будто считал мои вдохи.

Я подняла руку.

— Можно вопрос до того, как я начну производить ценную аномалию?

— Можно.

— Если я покажу меньше, чем могу, вы запишете, что профиль неполный. Если покажу больше, запишете, что нестабильна. Где здесь правильный ответ?

Ардова не сразу ответила.

За её плечом Кристиан едва заметно опустил взгляд.

Вот он.

Знал.

— Правильного ответа нет, — сказала Ардова.

— Великолепно.

— Есть ваш ответ. Наша задача — не заставить вас показать максимум, а научить вас понимать, что вы показываете и почему.

— А задача системы?

— Система тоже состоит из людей.

— Это не утешает. Люди придумали очень много мерзости, прежде чем стали интерфейсом.

Ардова посмотрела на меня.
— Поэтому задавайте вопросы.
— А если ответы не понравятся?
— Тогда задавайте ещё.

Опять.
Честно.

Невыносимо.

Я встала в центр камеры. Стены мягко засветились. Браслет подал короткий сигнал. На полу появились три кольца: белое, синее, серое. Минимальный контур, средний, предельный.

— Только белое, — сказала Ардова.

Кристиан чуть наклонил голову.

Не показывай максимум.

Я услышала его без слов.

И почти разозлилась.

Почти, потому что на этот раз совет был нужен.

Я открыла дар не как в Бермудском корпусе, где всё время приходилось бросаться в катастрофу лицом вперёд. Не как в сердце купола, где нити тянулись ко мне, а я пыталась не стать местом, куда все приходят. Здесь я представила тонкую линию. Берег. Не стену. Не дверь. Просто место, где волна заканчивается не потому, что проиграла, а потому что дальше начинается другое.

Свет на предплечье загорелся.
Белое кольцо на полу поднялось.

Я удержала.

Давление изменилось.

Грудь сжало. Не больно. Но так, будто кто-то напомнил лёгким: вы вообще-то временно здесь.

Свет дрогнул.

Не показывай максимум.

Я не усилила.

Просто сделала линию тоньше.
Белое кольцо стабилизировалось.
За стеклом Ардова что-то записала. Кристиан не двигался.
Вторая смена давления.
Глубже.
Вода за дальним стеклом камеры стала чернее. Или мне показалось. Здесь всё могло казаться, а потом попадать в отчёт как проявление.
Узор на руке потянулся к синему кольцу.
Я остановила.
Не резко. Не запретила. Просто сказала себе: не всё, что можешь, обязана показать.
Это было новое.
И неприятно полезное.
— Хорошо, — сказала Ардова.
Я чуть не сбилась от неожиданности.
— Не хвалите меня в процессе. Я теряю веру в подвох.
— Подвох не является обязательной частью обучения.
— Ваша система с вами не согласна.
Кристиан отвернулся.
Не чтобы спрятать улыбку. Нет. Он не улыбнулся.
Но что-то дрогнуло.
Третья смена давления началась без предупреждения.
Вот это уже было похоже на Мариану.
Пол ушёл из-под ног ощущением, не физически. Камера осталась на месте, но тело решило, что его на секунду бросили глубже. Узор на руке вспыхнул, белое кольцо резко расширилось к синему.
Я почти удержала.
Почти.
Потом за стеклом, в самом дальнем углу модуля, что-то шевельнулось.
Не сотрудник.
Не тень от оборудования.
В воде.
Я увидела тонкую вертикальную линию. Как знак. Как разрез в темноте.
И браслет на запястье вдруг стал ледяным.
На его маленьком экране вспыхнула строка.
Не показатель.
Не пульс.
Не уровень дара.
Фраза.
РАЗ УЖЕ ПРОЗВУЧАЛО.
Свет в камере погас.
Я стояла в темноте, смотрела на собственное запястье и не могла вдохнуть.
Потому что это была не запись из протокола.
Это был счёт.
И Мариана, кажется, знала, что он начался раньше нас.

Глава 6. Стекло

После того как браслет показал фразу из моего кошмара, Мариана снова сделала любимый трюк всех систем с хорошим финансированием.

Назвала это техническим сбоем.

К утру фраза с браслета стала выглядеть ещё хуже. Ночью она хотя бы была частью ужаса: темнота, камера, давление, вода за стеклом. Утром она превратилась в запись в памяти, а записи, как выяснилось ещё в прошлом году, умеют жить дольше, чем момент, который их породил. Я несколько раз смотрела на запястье, ожидая, что экран снова вспыхнет. Экран молчал. Это не успокаивало. Молчание в Мариане вообще было слишком активным, чтобы считаться отсутствием события.

Лиза предложила записать фразу отдельно. Я отказалась. Потом сама попросила её всё-таки записать. Потом попросила не показывать мне страницу. Лиза ничего не сказала. Просто кивнула. Иногда дружба — это когда человек не комментирует твою внутреннюю несостыковку, потому что у него у самого таких полная папка.

Я уже начинала подозревать, что где-то в глубине корпуса есть отдельный отдел, который придумывает, как именно произносить «технический сбой», чтобы люди не хватали стулья. В Бермудском корпусе такие слова тоже очень любили. Там вообще всё было временной мерой, стабилизацией, безопасностью и добровольным согласием, пока кто-нибудь случайно не находит людей под стеклом.

Мариана, конечно, была умнее.

Здесь под стеклом были все.

— Экран браслета мог отразить остаточную фразу из памяти пользователя, — сказал доктор Велес.

Он стоял в малом совещательном модуле, куда меня привели сразу после теста. Модуль был круглый, стеклянный и очень светлый. Это, видимо, должно было внушать доверие. На практике хотелось спросить, почему каждый раз, когда взрослые собираются объяснить тебе что-то неприятное, они выбирают комнату, похожую на аквариум для тревоги.

За стеклом плавала чёрная вода.

Рей стоял у стены. Кристиан — рядом с дверью. Ардова сидела напротив меня, папка закрыта, ручка лежит сверху. Она не записывала.

Я заметила.

Конечно, заметила.

— Отобразить из памяти пользователя? — переспросила я. — То есть браслет прочитал мою голову и решил устроить литературный вечер?

— Нет, — сказал Велес.

— Жаль. Это было бы почти честно.

— Браслеты не читают мысли. Они фиксируют эмоциональные, магические и физиологические паттерны. Иногда сильный повторяющийся образ может проявиться в интерфейсе как ошибочная маркировка.

— У вас интерфейсы пишут стихи, когда нервничают?

Ардова подняла глаза.

— Кира.

— Что? Я уточняю научную часть.

Велес улыбнулся.

— Ваш сарказм фиксируется как защитная реакция на повышение тревоги.

— Передайте браслету, что он гений.

— Браслет не оценивает вас.

— Да. Он просто пишет, когда я вру, когда злюсь, когда боюсь и когда станция решает поговорить со мной через запястье. Совершенно нейтральная вещь.

Велес сложил руки.

— Именно поэтому мы не делаем выводов по одному эпизоду.

— А по скольким уже можно начинать паниковать? Я люблю планировать.

Рей наконец заговорил.

— Достаточно.

Сказал он это не мне.

Велес понял. Его улыбка стала тоньше.

— Профессор Рей, корпус обязан фиксировать аномальные проявления.

— Фиксируйте. Не объясняйте их так, будто студентка виновата в сбое оборудования.

— Я не говорил о вине.

— Вы сказали «из памяти пользователя». Это удобная формулировка. Всё странное можно положить в голову ребёнка и закрыть протокол.

Ребёнка.

Я почти посмотрела на него возмущённо. Потом передумала. В комнате, где взрослые обсуждали, как мой браслет случайно написал фразу из сна, слово «ребёнок» было не худшей доступной защитой.

Кристиан молчал.

Опять.

Слишком тихо.

Я знала это его молчание. Не полностью, но уже достаточно. Он молчал не потому, что ему всё равно. Он молчал, когда считал слишком быстро: риски, выходы, старые правила, новые ловушки. Иногда мне хотелось схватить его за воротник и вытрясти оттуда хотя бы одну человеческую фразу. Иногда — не хотелось подходить вообще.

Сейчас было второе.

— Мы приостановим индивидуальные тесты Кан до конца дня, — сказала Ардова.

Велес повернулся к ней.

— Доктор Ардова, модуль синхронизации браслета...

— Можно перенести.
— Потеряем непрерывность.
— Сохраним студентку.
В комнате стало тихо.
Очень неловко тихо.
Велес посмотрел на Ардову уже без улыбки.
— Разумеется, — сказал он.
Снова это слово.
Мне захотелось записать отдельный словарь Марианы:
«Разумеется» — я не согласен, но сейчас неудобно спорить.
«Безопасность» — мы уже решили, но хотим, чтобы ты не кричала.
«Наблюдение» — мы смотрим, что можно взять.
«Профиль» — человек, у которого убрали всё лишнее, включая имя.
Когда нас отпустили, Рей задержал меня в коридоре.
— Ты идёшь в блок, — сказал он.
— Какое неожиданное разнообразие. А я думала, сразу в Нулевую бездну, босиком, с браслетом и табличкой «образец».
— Кира.
— Что?
— Не одна.
Я выдохнула.
— Я поняла.
— Нет, — сказал Рей. — Ты услышала. Понять — другое.
За его спиной Кристиан смотрел на внешнее стекло.
— А он? — спросила я.
Рей понял, куда я смотрю.
— Кристиан идёт со мной.
— На диагностику?
— На разговор.
— Это когда взрослые говорят «разговор», а потом кто-то выходит с новым уровнем травмы?
— Это когда я узнаю, почему он побледнел, увидев твою фразу.
Кристиан повернулся.
На секунду я увидела на его лице не злость и не холод.
Страх.
Очень быстрый. Сразу закрытый.
— Ты её уже видел, — сказала я.
Он молчал.
— Кристиан.
— Не здесь.
Вот и всё.
Два слова.
Не отрицание.
Не объяснение.
Не здесь.
В Мариане даже правда нуждалась в подходящем помещении.
Я пошла в блок не одна. Тимур ждал у поворота, будто случайно решил изучить стену. Лиза и Тина сидели чуть дальше на лавке. Тобиас стоял рядом с ними, Зик ковырялся в браслете и делал вид, что не подслушивает, хотя подслушивал, конечно, всем организмом.

- Ну что? — спросил Тимур.
- Технический сбой.
- Прекрасно. У меня уже коллекция. Можно обменивать три технических сбоя на один честный ответ?

- В Мариане честные ответы выдаются только по допуску. Лиза поднялась.
- Ты правда видела фразу?
- Да.
- Ту самую?
- Да.
- Она прижала блокнот к груди.
- Я записала её после твоего рассказа в дороге.
- Отлично. Теперь у нас есть сравнительная литература.
- Кира.
- Я закрыла глаза.
- Да. Я знаю. Это плохо.
- Это не просто плохо, — сказал Зик. — Браслет не должен выводить свободный текст без команды интерфейса. У него есть набор маркировок, кодов, предупреждений. Фраза могла появиться только если её подал внешний контур или если браслет действительно считал образ как текст. Оба варианта ужасны.
- Спасибо, Зик. Ты всегда умеешь выбрать между «кошмар» и «кошмар с техническим приложением».
- Я стараюсь быть полезным.
- Тимур посмотрел на него.
- Не говори это здесь.
- Зик замер.
- Потом кивнул.
- Да.
- Мы теперь все слышали слово «полезный» иначе.

В блоке нас ждал свободный час. Мариана называла его восстановительным промежутком. Восстанавливаться никто не умел. Лиза переписывала свои заметки. Тина смотрела в стекло. Тобиас пытался молча есть батончик, но упаковка шуршала так трагично, что хотелось поставить ей диагноз. Зик разобрал меню браслета. Тимур принёс мне воду.

— Опять? — спросила я.

— У тебя лицо сухой злости.

— Ты уже классифицируешь мои лица?

— Не для отчёта.

Он сел рядом на пол, спиной к дивану. Не слишком близко. Просто рядом.

— Я думала, тебя сейчас заберут на дополнительные тесты, — сказала я.

— Заберут. После ужина.

Я повернулась.

— Что?

— «Краткий повтор модуля групповой стабилизации». Прямо так и написали. Красиво, да?

Мне стало холодно.

— Тимур.

— Кан, не начинай.

— Я ещё ничего не сказала.

— У тебя лицо уже подало заявку.

— Ты можешь отказаться.

— Могу.

— И?

Он покрутил стакан в руках.

— И тогда они запишут, что у меня избегание процедуры после выявления профиля. И всё равно вернутся к этому завтра. Или послезавтра. Или поставят рядом со мной человека, которому плохо, и посмотрят, что будет без объявления процедуры.

Вот это было страшнее всего.

Потому что он понимал.

И говорил почти спокойно.

— Кто тебя этому научил? — спросила я.

— Ты.

Я открыла рот.

Закрыла.

— Не надо делать из меня образовательный ресурс.

— Поздно. Ты очень травматично полезная.

— Тимур.

Он улыбнулся. Усталой улыбкой, без своей обычной театральности.

— Я не собираюсь становиться их диваном, Кира. Но если я пойму, как это работает, я смогу не дать им использовать это вслепую.

— Это звучит как начало плохого решения.

— Да. Но оно моё.

Вот тут я замолчала.

Потому что после первой книги слово «моё» стало важным. Неприятным, неудобным, но важным. Нельзя было отбирать у человека выбор только потому, что тебе страшно за него.

Отличная моральная система. Очень раздражает в быту.

— Я пойду с тобой, — сказала я.

— Нет.

— Что значит нет?

— Значит, если ты будешь рядом, они будут смотреть не на меня, а на то, как я влияю на тебя. Я не хочу быть стабилизирующим фактором Киры Кан в первом же эксперименте.

— Ты не фактор.

— Вот именно.

Он сказал это мягко.

Но твёрдо.

И я поняла: Тимур тоже учится ставить границы.

Мир окончательно сошёл с ума.

Официально день после сбоя браслета должен был стать днём щадящей адаптации.

Мне очень понравилось это словосочетание. Щадящая адаптация. Звучит как вид пытки, который прошёл курс повышения квалификации по эмпатии.

Щадяще нас не загоняли в камеры. Щадяще не усиливали давление. Щадяще отменили модуль Тимура, потому что «групповой фон не достиг устойчивого значения». Щадяще перенесли индивидуальную диагностику Кристиана, и вот это уже тревожило сильнее всего: если Мариана переносила диагностику человека с загрязнённым приказом копьём, значит, либо она проявляла здравый смысл, либо готовила что-то хуже.

Я не любила оба варианта. Первый ломал мою картину мира. Второй слишком хорошо в неё вписывался.

Вместо камер нам назначили теоретический семинар.

В Мариане даже теория проходила в помещении, где одна стена была стеклянной, а за ней начиналась чёрная толща воды. Доктор Велес рассказывал о глубинном профилировании дара. На экране за его спиной возникали красивые схемы: дар как структура, давление как среда, реакция как данные, студент как...

Нет, студентом схема не называлась.

Схема называла нас «носителями».

Я подняла руку.

Велес остановился на середине фразы.

— Да, Кира?

Он уже начал использовать имя. Не «студентка Кан». Имя. Будто мы были почти союзниками в его прекрасном мире безопасной диагностики.

Меня от этого хотелось тщательно вымыть.

— Почему на схеме написано «носитель», а не «студент»?

В аудитории стало тише.

Лиза сразу открыла блокнот. Тимур чуть заметно улыбнулся: вот оно, доброе утро, конфликт прибыл по расписанию.

Велес не смутился.

— Потому что в данном контексте мы рассматриваем не образовательный статус, а отношение дара к человеку.

— То есть человек несёт дар.

— В упрощённом виде — да.

— А дар несёт человека?

Велес чуть наклонил голову.

— Интересная постановка вопроса.

— Не говорите так, будто хотите посадить мой вопрос в отдельную камеру.

Сзади кто-то фыркнул. Возможно, Тимур. Возможно, моя совесть, которая давно уже потеряла контроль над ситуацией.

— В некоторых случаях, — сказал Велес, — дар действительно влияет на поведение, восприятие и даже на жизненную траекторию студента. Именно поэтому важно понимать его природу.

— А в каких случаях понимание превращается в владение?

Пауза.

Ардова, сидевшая у боковой панели, подняла глаза.

Рей в дальнем конце аудитории перестал выглядеть скучающим.

— Исследователь не владеет объектом исследования, — сказал Велес.

— Зависит от исследования.

— Именно поэтому существуют протоколы.

— На первом курсе тоже существовали.

Велес не понял. Или сделал вид.

— Если вы имеете в виду события в Бермудском корпусе, — мягко сказал он, — Мариана не имеет отношения к тем нарушениям.

— Нарушениям, — повторила Лиза.

Велес посмотрел на неё.

— Да.

— Люди лежали под стеклом, потому что кто-то нарушил протокол?

Тина положила руку Лизе на локоть. Не удержала. Просто дала знать: я рядом.

Лиза не убрала руку.

Велес выбрал осторожный тон.

— Я понимаю эмоциональную нагрузку...

— Нет, — сказала Лиза. — Вы понимаете, как назвать её так, чтобы она поместилась в ваш семинар.

Тимур тихо выдохнул:

— Ого.

Я тоже почти сказала «ого».

Лиза не повышала голос. Но в этот момент она была страшнее Тобиаса с поднятым кулаком. Потому что Тобиас мог сломать дверь, а Лиза — формулировку.

Велес выдержал удар.

— Поэтому мы и говорим о границах исследования.

— Нет, — сказала Тина. — Вы говорите о них, потому что Кира спросила.

Теперь уже аудитория совсем замолчала.

Ардова закрыла планшет.

Рей смотрел на Велеса без выражения, но я уже научилась понимать: если Рей выглядел как идеально спокойный преподаватель, кому-то скоро придётся объяснять, почему его система делает глупости.

Велес медленно кивнул.

— Хорошо. Тогда сформулирую иначе. История Бермудского корпуса показала, что любая система контроля может стать опасной, если перестаёт видеть в студенте субъект. Мариана не идеальна. Но её задача — не использование дара, а предотвращение вреда.

— Чьего? — спросила я.

— Всех участников процесса.

— Когда говорят «всех», обычно первым из списка выпадает тот, кто не пишет отчёт.

Он посмотрел на меня долго.

— Именно поэтому вы имеете доступ к части отчётов.

— Части.

— Да. Полный доступ без подготовки может навредить.

И вот оно.

Снова.

Правда как опасность.

Не ложь, не запрет, не «вам рано». Хуже. Разумное предупреждение, в котором действительно было зерно смысла. После первого года я знала: не всё можно вывалить на человека сразу. Рыбка Сони ушла к морю, и я до сих пор не знала, было ли бы милосерднее знать больше или меньше.

Но Велес говорил это так, будто право решать всё равно оставалось у него.

— Тогда учите готовиться, — сказала я. — Не решайте вместо нас, что мы выдержим.

Ардова посмотрела на меня.

И ничего не записала.

Семинар продолжился, но уже без прежней гладкости. Велес стал точнее. Это было почти победой. Маленькой, неприятной, временной. В Мариане любые победы выглядели так, будто их нужно сразу продезинфицировать.

За соседними столами тоже спорили. Не так смело, как Лиза, но шёпотом, углами глаз, быстрыми взглядами на браслеты. Второй курс ещё вчера пытался выглядеть взросло: новые формы, исследовательские модули, серьёзные лица людей, которым наконец доверили не просто учиться, а изучать себя. Сегодня под этим взрослым слоем проступили обычные семнадцатилетние. Испуганные, злые, слишком умные для доверия и слишком юные для того, чтобы без последствий понимать, как именно их классифицируют.

Я вдруг подумала, что в этом была самая грязная честность Марианы.

Она не врала, что мы дети.

Она просто считала, что дети тоже могут быть данными.

И иногда я почти понимала, почему взрослые так говорят. Дар действительно мог убить. Давление действительно могло сломать. Не знать собственную магию было опасно. Но между «помочь понять» и «заставить проявиться» проходила тонкая линия.

Береговая, мать её, линия.

И я снова стояла на ней, хотя меня никто не спрашивал, хочу ли я новую старую должность.

После семинара нас отпустили в столовую, но атмосфера уже изменилась. Не только у нас. У всего второго курса. Кто-то смотрел на браслет иначе. Кто-то перешёптывался у стен. Кто-то смеялся слишком громко. Мариана не любила, когда студенты начинали думать не по расписанию.

И, как выяснилось, глубина тоже.

Вечером нас всё-таки вывели в общий коридор — на путь к ужину. Маршрут был тот же, что утром, но Мариана изменилась. Или мы начали замечать.

Стекло вдоль галереи стало темнее. Биолюминесцентные существа исчезли. Вместо них в воде плавали редкие точки света, слишком далёкие и неподвижные, чтобы быть живыми.

Лиза шла рядом со мной.

— Ты видишь? — спросила она.

— Что именно? Если скажешь «чёрную воду», я обижусь за очевидность.

— Нет. Стекло.

Я посмотрела.

Сначала увидела своё отражение.

Кира Кан. Высокий хвост из кудрей, тёмная исследовательская форма, ремни, браслет, светящийся слабым узором рукав. Выглядела я почти как человек, который знает, что делает.

Почти.

Потом отражение дрогнуло.

И за моим плечом появилась белая комната.

Не Мариана.

Не Бермудский корпус.

Тихая комната.

Стекло. Белый свет. Девочка, лежащая неподвижно. Не София. Не Марина. Не Екатерина. Другая. Без имени. Та, которой я обещала вернуться.

Я остановилась.

Лиза резко втянула воздух.

— Я тоже вижу.

В стекле перед ней не было её лица. Были страницы. Много страниц. И на каждой — имена. Некоторые написанные, некоторые пустые. Пустые строки чернели сильнее букв.

Лиза подняла руку к стеклу.

Тина перехватила её запястье.

— Не трогай.

Стекло перед Тиной тоже изменилось.

Я увидела только на секунду: Тина стоит перед кем-то в темноте, говорит «я помогу», а её ладонь уже лежит на чужой границе слишком тяжело. Человек отступает, но Тина не сразу понимает.

Тина побледнела.

— Это не сейчас, — сказала она.

— Что? — спросил Тобиас.

Его отражение вспыхнуло.

Я не успела отвернуться.

Он стоял в коридоре корпуса на острове, между группой и угрозой, огромный, крепкий, надёжный. Только в отражении он не защищал. Он толкал. Слишком сильно. Слишком первым. Лицо у него было испуганное, потому что сила уже пошла, а мысль только догоняла.

Тобиас отшатнулся от стекла.

— Этого не было.

— Возможно, — сказал Зик, голос сорвался. — Или было как возможность.

— Зик? — спросила Лиза.

Но Зик смотрел в своё отражение.

Там были схемы. Сотни схем. Он пытался построить модель, а модель закрывала людей прямоугольниками, стрелками и цветами риска. В какой-то момент в отражении Лиза стала узлом фиксации, Тина — граничной функцией, Тимур — стабилизатором, я — береговым профилем.

Зик резко закрыл глаза.

— Нет.

Тимур стоял у стекла последним.

Я повернулась к нему раньше, чем успела подумать.

Его отражение сначала было обычным. Он. Тёмные волосы, чёрная форма, улыбка, которая не успела включиться.

Потом за его спиной появилась наша группа.

Мы падали.

Не физически. Каждый в свою сторону. Лиза в страницы, Тина в чужие границы, Тобиас в силу, Зик в схемы, я — в воду. Тимур тянул руки ко всем сразу.

И не успевал.

Ни к кому.

Улыбка на его отражении исчезла.

Я шагнула к нему.

— Тимур.

Он моргнул.

Стекло снова стало стеклом.

Очень быстро.

Слишком быстро.

В коридоре включилась аварийная мягкая подсветка.

— Студенты, — прозвучал голос Велеса из динамиков. — Просьба сохранять спокойствие. Внешний контур галереи демонстрирует визуальные искажения из-за смены давления. Продолжайте движение к столовой.

— Визуальные искажения, — сказал Тимур.

Голос у него был обычный.

Почти.

— Конечно. У меня просто искажённо не хватило рук.

Лиза закрыла блокнот.

— Я ненавижу это место.

— Осторожно, — сказал Зик глухо. — Оно услышит.

И тогда за стеклом что-то ответило.

Не словами.

Давлением.

Вся галерея тихо сжалась.

Не физически — стекло не треснуло, стены не двинулись. Но лёгкие на секунду решили, что воздух стал гуще. Свет приглушился. Вода за стеклом перестала быть водой и стала чёрной поверхностью, которая смотрит.

Не зовёт.

Смотрит.

На дальнем конце галереи стоял Кристиан.

Мы не сразу его заметили. Он был у боковой двери, без копья, но с таким лицом, будто его только что вернули в место, где он когда-то оставил часть себя.

И стекло рядом с ним тоже показывало лишнее.

Я увидела не всё.

Только фрагмент.

Кристиан моложе. Лет шестнадцать. Волосы длиннее, лицо почти такое же холодное, но не от силы — от старания. Он стоит в камере Марианы, очень похожей на наши, только свет в ней белее. За стеклом — Александр. Не рядом. Не как отец. Как наблюдатель.

Молодой Кристиан держит артефактный контур. Его руки дрожат, но лицо нет.

За стеклом кто-то говорит:

— Исключительная устойчивость к приказному давлению.

Александр отвечает:

— Он умеет не мешать системе собой.

Отражение исчезло.

Кристиан стоял неподвижно.

Я поняла, что видела не только я.

Рей стоял чуть позади него.

И лицо у Рея было таким, что мне сразу стало ясно: он тоже увидел достаточно.

Кристиан медленно повернул голову.

— Не сейчас, — сказал он.

Те же слова, что раньше.

Но теперь они звучали не как отказ.

Как просьба.

После первого отражения никто уже не хотел идти к ужину.

Что было странно, потому что еда в Мариане, при всех её моральных недостатках, всё-таки оставалась едой. А после дня шадящей адаптации, терминологической войны и браслета-поэта организм должен был требовать калорий громче принципов.

Но мы стояли в галерее и смотрели на стекло.

Оно снова было обычным.

И именно это бесило.

Страшные вещи хотя бы могли бы иметь приличие оставаться страшными до конца. Нет. Стекло снова отражало коридор, наши тёмные костюмы, синие линии пола, далёкие огни станции. Ни тихих комнат. Ни страниц. Ни силы, которая приходит раньше мысли. Ни Тимура, который не успевает ни к кому.

Просто коридор.

Просто мы.

Как будто Мариана могла показать тебе внутренности и сразу вернуть обратно кожу: вот, пожалуйста, ничего не было, идите ужинать.

— Я не хочу туда, — сказала Лиза.

Голос у неё был маленький. Непривычно маленький.

Тобиас сразу шагнул ближе, но остановился. Не стал заслонять. Не стал трогать. Просто оказался рядом, как человек, который помнит, что не всякая поддержка начинается с руки на плече.

— В столовую? — спросил он.

— В любое место, где есть стекло.

Тина посмотрела на внешнюю стену.

— Здесь всё стекло.

— Спасибо, — сказала Лиза. — Очень помогла.

— Я не успокаиваю. Я уточняю проблему.

— Проблема уточнена: мы на дне океана в стеклянной лаборатории.

— И у нас ужин, — сказал Тимур. — Нельзя недооценивать трагедию расписания.

Он сказал это почти нормально.

Почти.

Я смотрела на него и видела не улыбку, а её работу. Как мышцы держат выражение, потому что так привычно. Как голос автоматически ищет шутку, чтобы остальные могли дышать. Как человек сам становится тем, что от него ждут, до того как система успеет оформить это красиво.

— Не надо, — сказала я тихо.

Тимур повернул голову.

— Что?

— Шутить, если не хочешь.

Он моргнул.

Улыбка исчезла.

Не резко. Не трагично. Просто ушла, как свет, который больше не надо держать включённым.

— А если хочу и не хочу одновременно?

— Тогда можно плохо пошутить.

Он подумал.

— Мариана — стеклянная кастрюля, а мы нервные пельмени.

Зик закрыл лицо рукой.

— Это ужасно.

— Кира разрешила плохо.

— Я беру ответственность, — сказала я.

И вот тут Лиза всё-таки засмеялась.

Сквозь дрожь, коротко, почти сердито. Но засмеялась.

Тимур посмотрел на меня. Не благодарно. Не торжественно. Просто так, будто между нами вдруг появилось маленькое место, которое никто ещё не успел назвать функцией.

Я отвела взгляд первой.

Потому что хватит уже мест.

У меня в жизни и так слишком много географии с последствиями.

Мы двинулись дальше. Не потому что стало нормально. Потому что если стоять в коридоре с отражениями слишком долго, Мариана, скорее всего, занесёт это в отчёт как «групповую задержку адаптационного поведения».

По дороге стёкла больше ничего не показывали.

Но тишина за ними стала другой.

Раньше чёрная вода казалась внешней. Опасной, глубокой, давящей, но всё-таки снаружи. Теперь я чувствовала, что она не просто за стеклом. Она вдоль нас. Внутри системы. Под полом. В промежутках между словами. Там, где браслет мигал, прежде чем показать фразу. Там, где Тимур видел себя не успевающим. Там, где Кристиан когда-то стоял перед Александром и учился не мешать системе собой.

Я посмотрела на Кристиана.

Он шёл чуть впереди, рядом с Реем. Спина прямая. Руки свободны. Копья нет. И всё равно казалось, что он держит что-то невидимое так крепко, что пальцы должны болеть.

— Он не расскажет, — сказала Тина рядом.

Я вздрогнула.

— Ты теперь читаешь мои мысли?

— Твоё лицо опять громкое.

— Нужно что-то сделать с лицом.

— Не надо. Оно информативное.

— Прекрасно. Все вокруг стали кураторами моего лица.

Тина чуть улыбнулась.

— Кристиан не расскажет, потому что если скажет вслух, это станет настоящим не только для него.

— Уже стало.

— Для нас. Не для него.

Я не ответила.

Потому что Тина, как всегда, сказала неприятно точно.

Мы часто думаем, что если не назвать вещь, она остаётся мягче. Не травмой, а эпизодом. Не подготовкой к использованию, а сложным вторым курсом. Не отцом за стеклом, а наблюдателем. Не приказным давлением, а устойчивостью.

Кристиан всю жизнь рос в семье, где названия были оружием.

Конечно, он боялся произнести правильное.

В столовой было шумно.

Слишком шумно.

Люди после отражений — а я была уверена, что видели не только мы, — говорили громче, чем обычно. Кто-то спорил у раздаточной панели. Девочка из соседней группы плакала над тарелкой, а её подруга повторяла: «Это не было, это просто давление». Парень у окна смеялся так резко, что его куратор подошёл и предложил дыхательный протокол. Он ответил что-то грубое. Куратор записал.

Вот оно.

Мариана начала показывать лишнее — и тут же начала фиксировать реакции на лишнее. И снова было непонятно, где забота, а где сбор данных.

А может, именно это и было самой честной формой ужаса: одно не отменяло другого.

Мы сели за дальний стол. Рей остался у входа, разговаривая с Велесом. По лицу Велеса было видно: слово «молчите» он не забыл и теперь решает, как именно включить его в меж-кафедральный конфликт. Ардова стояла чуть поодаль и смотрела не на нас, а на стеклянную стену.

Кристиан сел не с нами.

Он вообще не сел.

Остановился у бокового выхода, как ассистент, которому поручили следить за порядком. Только я видела: он выбрал место, где за спиной нет стекла.

Это было почти признание.

Почти.

Тимур заметил тоже.

— Хочешь подойти? — спросил он.

— Нет.

— Врёшь.

— Не хочу хотеть подойти. Это считается?

— Для Марианы можно оформить как промежуточный эмоциональный профиль.

— Ненавижу тебя.

— Стабилизирую через раздражение.

— Тимур.

Он поднял руки.

— Ладно. Молчу. Но если что, я здесь.

— Я знаю.

— Добровольно.

Вот это ударило неожиданно.

Не больно.

Тепло.

После первого курса слово «добровольно» было как ржавый гвоздь. А сейчас Тимур сказал его без пафоса, без трагедии, без «я готов страдать красиво». Просто напомнил: у настоящего выбора есть голос, и он не обязан быть громким.

Я кивнула.

— Спасибо.

— Опасно, Кан. Второй раз без сарказма за неделю.

— Не привыкай.

— Я веду статистику.

Лиза, до этого молчавшая, вдруг сказала:

— Я видела не только имена.

Мы повернулись.

Она смотрела на тарелку.

— Сначала имена. Потом пустые строки. Потом... как будто я сама становлюсь страницей. Не человеком, который записывает. А местом, куда всё обязано лечь. И если что-то не помещается, виновата я.

Тина тихо сказала:

— Это не правда.

— Я знаю.

— Не похоже.

Лиза подняла глаза.

— Потому что знание не всегда помогает.

Тобиас сжал кулак на столе.

— Я видел, как бью первым.

— Ты не бил, — сказала Тина.

— Но мог.

— Все могли.

— У меня это ближе.

Никто не стал спорить.

Иногда поддержка — это не сказать «нет, ты хороший». Иногда это выдержать, что человек говорит о себе что-то страшное, и не броситься срочно перекрашивать.

Зик крутил вилку.

— А я видел, как превращаю вас в схему.

Тимур усмехнулся.

— Надеюсь, я был красивым узлом.

— Ты был стабилизирующим.

Тимур поморщился.

— Фу.

— Да.

Зик посмотрел на него виновато.

— Я не хотел.

— Знаю.

— Но мысль была удобной.

— Вот с удобными мыслями у нас тут вообще беда, — сказала я.

Тина посмотрела на меня.

— Ты что видела?

Белую комнату. Девочку. Обещание. Берег. Место между двумя безднами.

Я могла сказать.

Не сказала.

— Что долги не списываются, если просто переехать на другую глубину.

— Поэтично, — сказал Тимур.

— Это от недосыпа.

— Надо занести в отчёт: недосып повышает метафоричность Кан.

Мы почти снова стали собой.

Почти.

И именно в этот момент за стеклом столовой прошла тень.

Не большая. Не чудовище. Не эффектная пасть с зубами, как на дешёвой обложке, которую я бы потом критиковала отдельно.

Тень была тонкой.

Вертикальной.

Как линия.

Она прошла вдоль стекла, не касаясь. Все разговоры в столовой стихли не сразу, а волной.

Люди поворачивались к воде, кураторы замирали, интерфейсы на стенах начинали мигать.

Тень остановилась напротив нашего стола.

И стекло снова стало не стеклом.

На этот раз оно ничего не показало.

Оно стало чёрным.

Полностью.

Как будто кто-то снаружи закрыл ладонью весь мир.

Люди в столовой начали вставать.

Не массово. Не паникой. Гораздо хуже: каждый по отдельности, как будто внутренний голос сказал ему, что сидеть больше нельзя. Кураторы сразу задвигались. Кто-то включил успо-

каивающий контур. Кто-то заговорил по коммуникатору. Кто-то пытался улыбаться студентам, и это выглядело так неуместно, что улыбку хотелось объявить опасным объектом.

— Всем оставаться на местах, — сказал Велес через общий канал. — Внешний биоконтур проходит вдоль станции. Опасности нет.

— Когда они говорят «опасности нет», — сказал Тимур тихо, — мне хочется уточнить, для кого именно.

Стекло оставалось чёрным.

Я видела в нём не отражение, а отсутствие. Будто за стеной не вода, а место, где любая картинка сначала спрашивает разрешения появиться. И там, в этом отсутствии, что-то было.

Не сирена.

Сирены даже в страхе были движением, голосом, зовом. Алтея была водой, светом, печалью, чужой красотой, от которой хотелось злиться и доверять одновременно.

Это было не так.

Это не звало.

Не просило.

Не обещало.

Оно просто присутствовало.

И из-за этого все наши браслеты одновременно стали казаться детскими игрушками. Маленькие ремешки, маленькие датчики, маленькая человеческая вера в то, что если что-то измерить, оно станет меньше.

— Рей, — сказал Кристиан.

Одно слово.

Но в нём было столько старого знания, что я замёрзла.

Рей уже шёл к стеклу.

Не быстро. Он вообще не любил бегать, когда хотел напугать систему. Рей шёл так, будто каждую секунду забирал у Марианы право решать, что происходит.

Александра здесь не было.

И всё равно я вдруг подумала о нём.

Потому что если существует место, где правда давит сильнее воды, Александр обязательно когда-то нашёл способ поставить рядом подпись.

Лиза прошептала:

— Это оно?

— Кто? — спросил Тобиас.

— То, что снизу.

Никто не ответил.

Потому что иногда вопрос уже знает больше, чем ответ.

Рей подошёл к стеклу. Не коснулся. Просто встал рядом и посмотрел в чёрную воду.

— Это не визуальное искажение, — сказал он.

Динамик ещё не отключился.

Голос Велеса ответил с задержкой:

— Профессор Рей, внешний контур...

— Молчите, — сказал Рей.

Он сказал это спокойно.

Так спокойно, что даже динамик как будто подавился.

Рей поднял руку. По его пальцам прошли зелёные линии природного контура, но не развернулись в силу. Они вошли в стену, в стекло, в интерфейс галереи. Где-то внутри Марианы щёлкнуло.

Зик резко поднял голову.

— Вы слушаете обратный канал?

— Да.

— Он должен быть закрыт.

— Он открыт.

— Кем?

Рей не ответил сразу.

Стекло за его спиной потемнело ещё сильнее. В глубине, далеко ниже станции, вспыхнула одна точка.

Не синяя.

Белая.

Очень старая.

Браслеты у всех одновременно мигнули.

На моём экране не появилось текста.

Только линия.

Вертикальная.

Та самая.

Рей медленно опустил руку.

— Это не станция показывает вам страхи, — сказал он.

— А что? — спросила Лиза.

Вода за стеклом стала неподвижной.

Рей посмотрел вниз, туда, где светилась белая точка.

— Ответ.

— Чей? — спросил Тимур. Голос у него снова дрогнул, но совсем чуть-чуть.

Рей повернулся к нам.

— Не знаю. Но это не сбой Марианы.

За стеклом тишина стала такой плотной, будто кто-то приложил ладонь к миру.

— Кто-то снизу услышал, как её системы начали давить на ваши дары, — сказал Рей. —

И теперь давит в ответ.

Кристиан закрыл глаза.

Совсем на секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.